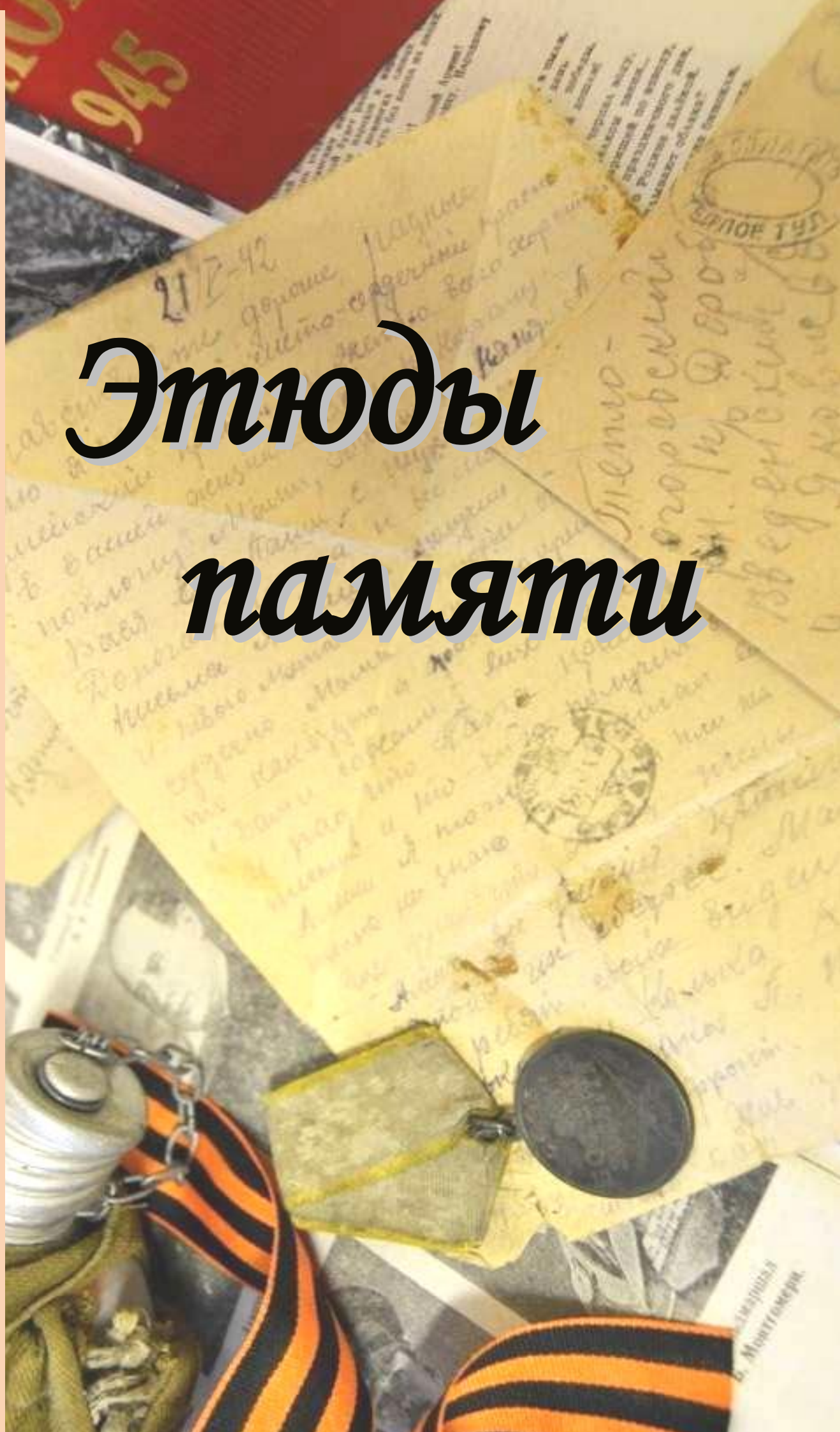

Серия «Люди земли Мелеузовской» Выпуск 6

Городская юношеская библиотека № 3

Этюды памяти

*Мне на веку запомнилось немало,
И только детства вспомнить не могу:
Его война, как стебелёк, сломала
Июньским днём за речкой, на лугу.*

*Была земля и жесткой, и метельной.
Была судьба у всех людей одна.
У нас и детства не было отдельно,
А были вместе детство и война.*

Ф. Васильев

Этюды памяти : дайджест / составитель Т. А. Вережкина, оформитель Н. Н. Смирнова ; консультант О. А. Хлебникова. – Мелеуз : Городская юношеская библиотека № 3, 2020. – 64 с.; [50] фотографий. – Текст : непосредственный. – (Серия «Люди земли Мелеузовской». Выпуск 6).

К читателю

Тема Великой Отечественной войны, отражённая в мемуарах, воспоминаниях, исследованиях, документалистике, литературе, кино - не нова. Но, встречаясь с людьми, прошедшими войну, с их детьми и внуками, понимаешь, что никогда о войне не будет сказано последнего слова, никогда не поставится точка. У каждого из них – своя война, своя часть биографии в войне, своя часть семейной истории...

Все темы, предложенные в очередном выпуске дайджеста серии «Люди земли мелеузовской» и посвящённые людям – нашим землякам, прошедшим тяжёлые годы Великой Отечественной войны, не новы. Многие из них уже освещались в периодической печати, в ранее выпущенных нами библиографических пособиях. Но, возвратиться к ним заставляют новые факты, вновь выявленные события, подробности, рукописи, фотографии...

Пусть не смущает тебя, читатель то, что тебе что-то уже известно, и, казалось, не представляет интереса. Но в любом случае, в наших очерках ты обязательно найдёшь открытые нами подробности, новую информацию, дополняющие предыдущие публикации. Поверь, эти дополнения многого стоят. Дались они кропотливыми поисками, поездками, встречами, исследованиями фондов библиотек, музеев, работой с государственными и частными архивами, изучением материала, консультациями со специалистами...

Например, работая с материалами о С. М. Кочеткове, пришлось съездить в г. Салават, с. Васильевку Мелеузовского района, много раз встречались с его братом - Н. М. Кочетковым, проживающим в г. Мелеузе.

Много интересной информации предоставил В. И. Калабухов, стоявший у истоков и двадцать лет возглавлявший Воскресенскую картинную галерею. Он близко дружен с Виктором Ивановым, лично знаком со многими художниками-воскресенцами и может часами рассказывать о них.

Знакомясь с нашей работой об испанском детдоме, может быть, критически отметишь, что часть предлагаемого материала уже публиковалась. Но, выявив ранее неизвестные факты, мы посчитали необходимым не разрывать материал с предыдущей информацией, а дать его вкуче. Сотрудники библиотеки вели переписку с профессиональными историками А. О. Ивановым и В. В. Пугачёвым – г. Уфа, С. Б. Брилёвым – г. Москва, с испанским журналистом Мигелем Бас - заместителем руководителя Объединенной редакции Иновещания и главой службы новостей на испанском языке агентства РИА Новости.

В краеведческих изысканиях не нов факт, что поиски бывают долгими и затратными, а результаты малообъёмными, но ценными.

Думается, дайджест будет интересен людям разных поколений, в частности, молодёжи. Полезную информацию найдут историки, краеведы, педагоги, работники библиотек.

Дайджест имеет три раздела:

- Страницы детства из войны
- Спасённое детство
- Солдат всегда солдат

Хронология охвата событий – с довоенного времени по день сегодняшний. В дайджесте представлены копии оригиналов документов, фотографий, воспоминания. Некоторые из них публикуются впервые.

Целью данного дайджеста является желание не только познакомить вас с людьми, чьи судьбы сплелись с историей нашей страны в грозные годы Великой Отечественной войны, но и воспитать у молодёжи патриотизм, активную жизненную и гражданскую позицию, чувство гордости за свою родину, свой народ, свою историю.

Авторы благодарят за помощь в подготовке дайджеста И. Г. Войновского, и его родственников, Т. П. Жемчужникову, А. А. Кортавенко, родных тех, о ком рассказывает наша работа, а также частных лиц и учреждения, перечисленные выше.

Авторы

***Страницы
детства
из войны***

Страницы детства из войны

(Об Илье Григорьевиче Войновском)

Нет, в ту войну я не бывал под немцем,
И не был Красной Армии бойцом,
Но это слово польское «Освенцим»
Мне словно в грудь ударило свинцом.

Андрей Оленев

Начиная рассказ о человеке, ребёнком прошедшего фашистские концлагеря, не могу назвать дату его рождения. Не потому, что не спросила, а потому, что он сам её не знает. В паспорте стоит условная цифра – 2 июля 1933 год. Так вот получилось.

Украина. Город Сталино (ныне Донецк). 1941 год, первые месяцы войны.

Советские войска, отходя, в спешке, жгли поля с хлебами. Фашистская оккупация и голод заставляли местное население обменивать на продукты одежду, предметы быта. Впервые жители города увидели на виселицах людей, оказавших сопротивление немецким оккупантам.

И. Г. Войновский, 2019 г.

В тот роковой летний день 1941 года мать послала Илюшу Войновского, уже окончившего 1-й класс, на рынок выменять кое-какую одежонку на хлеб. Отца мальчик не помнил, мама работала на шахте от темна до темна. Поэтому учебный год он жил у тёти, которая выделила Илье в доме уголок за занавеской. На целый день он получал сухарь и комочек сахара-рафинада. Общаться с ровесниками было нельзя и друзей у мальчика не было. А летом Илюша возвращался домой.

Облава немецких солдат и местных полицаев началась, как всегда, неожиданно.

Вылавливали детей с пяти лет и молодых людей

для работы в Германии. Мальчик попал в плен и оказался в товарном вагоне, битком набитым взрослыми пленными. Негде было ни лежать, ни сидеть. Многие в дороге умирали. В первый раз всех высадили в Польше, на распределительный пункт. Поселили в бараках. Илья попал на склад, где готовились продовольственные посылки в Германию. Его определили на фасовку сахарного песка. Мальчишки постарше научили красть сахар, чтобы не умереть от голода. Снизу штаны туго завязывались, в карманах делались дырки, куда и ссыпали тайком сахар. В бараке штаны вытряхивались. За эти немудреным занятием и застал Илью надзиратель.

Вспоминая тот эпизод, Илья Григорьевич отметил, что надзиратели-немцы не были так жестоки, как надзиратели и полицаи из жителей местных оккупированных территорий. Надзиратель, высокий и крепкий мужчина, поднял ребёнка за ноги вниз головой и долго тряс. Какие-то крохи сахара высыпались на земляной пол. Но на этом экзекуция не закончилась. Надзиратель подвёл мальчика к большой хлебрезке и отрезал часть пальца на левой руке ребёнка. Илья Григорьевич показывает мне пальцы рук, где один палец искалечен. По случаю или закономерно, а этим двум людям ещё предстоит встретиться через много лет, но уже при других обстоятельствах.

Со склада Илью переводят в концлагерь Освенцим на территории Польши. Дети и взрослые жили в одних бараках. И если у трудоспособного контингента лагеря были на руках выколоты номера и их заставляли работать, то дети до 14 лет были без номеров, к работам не привлекались и не имели определённого места на нарах. Но у детей ежедневно брали кровь, которую впоследствии переправляли в немецкие госпитали.

«Незадолго до подъёма надзиратели обходили бараки и хватали попавшихся на глаза детей. Сонных, ничего со сна не понимающих, их гнали в лагерьный лазарет и без объяснений клали на кушетки, делали забор крови неограниченно, пока ребёнок жив. Тут же нас выталкивали, не то сонных, не то в полусознательном состоянии. Первый раз я не понял, что со мной делают. Думал, что просто укол. В глазах темно, какие-то круги, всё плывёт, качается. Нет сил встать, идти. Качаясь, медленно добирались до барака, падали, долго спали. Кто-то уже не вставал. Бывали случаи, что у одного и того же ребёнка кровь брали два дня подряд. Никто не фиксировал ни фамилий, ни дозы, ни дат забора крови. Такой ребёнок на второй день с кушетки уже не вставал – хлипенькое тело грузили на тележку для перевозки трупов и сваливали в общие кучи мертвецов», - делится воспоминаниями из детства бывший узник фашистского концлагеря Илья Григорьевич Войновский.

Во сне Илье Григорьевичу до сих пор снятся горы трупов, которые не успевали сжигать в крематории концлагеря: обнажённые тела женщин, мужчин, взрослых, детей, русских, поляков, евреев, французов... Уже в мирное время, после войны, один мудрый человек посоветовал Илье вычеркнуть, вырвать из памяти годы плена, концлагерей. Забыть, уничтожить, предать забвению, убить эти воспоминания... Илья пробовал, старался, опять и опять проходя через муки пережитого, проживая их заново, старался стереть картины ужаса, смерти, страха, слёз, боли, отчаяния, круглосуточный отвратный звук движения ворот крематория и глаза, глаза людей, глаза узников... Но до сих пор он всё это помнит.

В первый раз попав в фашистский концентрационный лагерь, Илья, будучи маленького росточка и болезненно худой, с большими живыми глазами и неуёмным характером, привлёк внимание узницы, говорившей на немецком языке. Имени её не помнит, но знает, что она как-то была связана с немецкой охраной лагеря. Именно эта женщина по каким-то неведомым причинам обратила внимание на мальчика и как могла, ограждала его от опасности, объявив его своим сыном. То чуточку подкормит, то предупредит об облаве, то одежку подлатает, а то и просто прижмёт к себе и со слезами говорит Илье что-то на непонятном немецком языке.

Через несколько месяцев Илья стал понимать немного польскую, немецкую, французскую речь. И однажды женщина, приветившая Илью, сказала: «Меня переводят из лагеря, я сказала, что ты мой сын и договорилась взять тебя с собой. Здесь ты не

И. Г. Войновский, 1955 г.

выживешь». Поселились они в городке

Освенцим, рядом с лагерем (концлагерь и получил название от места расположения около польского города Освенцим), в небольшом доме. Но однажды женщина ушла и не вернулась. Голод и страх заставили мальчика выйти из дома. В итоге – опять концлагерь, забор крови, побои, постоянное чувство голода, запах сожженных человеческих тел... Надо отметить, что печи крематория работали круглосуточно, не успевая сжигать трупы. Пепел вывозили на поля как удобрение. Из человеческих трупов делали мыло, из кожи – галантерейные изделия, перерабатывали волосы... Илья Григорьевич вспоминает такой случай: увидела как-то немка, работник концлагеря, у узника на спине татуировку с профилями Ленина и Сталина. Потребовала сделать из кожи мужчины себе портмоне. Безусловно, немецкая фрау

получила в подарок оригинальный кошелёк.

Учёт детей в лагере не вёлся. Они умирали и днём, и ночью. Умирали тихо, незаметно. Кто на кушетке в лагерной больнице, кто ночью в бараке. Рано утром, кто не вышел на построение, выносили из барачков и на тележках везли к огромным кучам трупов. Воспользовавшись бесконтрольностью, Илья каждый день делал подкоп под заграждение лагеря. Да большого проёма было и не надо. Маленькое исхудавшее тельце ребёнка пролезало в небольшую ямку в земле.

Оказавшись на свободе, помнил только голод. Добрался до огородов. Ел всё подряд, не понимая ни вкуса, ни хруста земли на зубах, потеряв чувство опасности. Хозяин огорода поймал мальчика, избил и, привязал. Теперь Илья спал, ел и работал на привязи, под охраной фермера. «Однажды, на какой-то праздник, хозяин пригласил меня в дом и налил тарелку супа. Чувство человеческого достоинства, гордости и, наверное, русский характер, не позволили мне накинуться на еду. Ел не торопясь и на дне тарелки оставил две ложки бульона. На следующий день и в последующем мне фермер недоливал в тарелку именно две ложки», - рассказывает Илья Григорьевич.

Сильный характер, нежелание подчиняться обстоятельствам и опускать руки, помогли Илье сбежать от фермера. Сколько и какие концлагеря были потом – и не вспомнить.

В 1945 году работал на фабрике «Эрдель» в Германии, жил в подвале. Какая-то немецкая девочка просто так, по душевной доброте, носила немного еды и не велела выходить из подвального помещения. Но простое мальчишеское любопытство, а, может быть, и желание что-то изменить в своей судьбе, предпринять конкретные действия, заставили мальчика выйти из подвала. А тут воздушная тревога, обстрел. Забежал в ближайшее бомбоубежище. Но взрывной волной завалило вход и кто-то крикнул, что надо срочно выбираться через трещину в стене, иначе завалит всех. Успело выскочить только несколько человек, в том числе и Илья. Он даже не успел подумать и принять решение, просто подчинился приказу. И именно это спасло мальчику жизнь. В следующую минуту потолок и стены убежища обвалились. Бомбёжка, обстрел, на улицах раненые и убитые. До сих пор Илье Григорьевичу снится окровавленное тело женщины без ноги, кричащей от боли и зовущей на помощь.

Не понимая происходящего, добрёл до своего подвала. После целого дня бомбёжек вдруг – оглушающая тишина. Выбежал из подвала и увидел на улице города танк с белой звездой. Просто оцепенел. Вылез танкист и заговорил с ребёнком на английском языке. Илья не понимал. Тогда солдат стал говорить по-немецки. А Илья впился глазами в Орден Боевого Красного Знамени на груди танкиста и не мог поверить увиденному. Говорить Илья не мог, глаза были прикованы к груди танкиста с Орденом. «Ты русский? Я не могу сейчас забрать тебя, подожди до вечера здесь, я за тобой обязательно приеду», - кричит танкист через грохот танкового двигателя. Но не суждено было той встрече состояться. После очередной облавы мальчика определили в тот же лагерь, где он уже был. Но режим теперь не фашистский. Лагерь располагался на территории американских союзников. Кормили лучше и обращение с пленными было человеческое. Здесь сортировали иностранных граждан по национальности. Были русские, румыны, англичане, поляки, французы... Русскими пленными занимались советские представители. Устанавливали личность и причины нахождения на территории Германии.

На Украину везли на машинах и эшелонами. Илья всё время улыбался – скоро встреча с родными местами, домом, родственниками. На очередной стоянке впервые за долгие годы плена, искупался в реке. Название у реки запоминающееся – Буг. И это было уже настоящее детство.

Но как-то вся жизнь у Ильи Григорьевича складывалась ступенями. Дома Илью считали погибшим. К тому же, бывших в плену не только военных, но и мирное

Илья Григорьевич Войновский, 2019 г.

население, даже детей, угнанных в Германию и репатриированных, считали дезертирами, предателя родины, врагами народа. Понимая и чувствуя это, Илюша продолжал жить.

Надо было продолжать обучение в школе. Четыре учебных года было пропущено, да и знания 1-го класса были никакими. Не учитывая этого, тётя отрезала: «Ещё чего – в первый класс! Такая дылда!», и определила мальчика в 4-й класс. Первый диктант поразил не только учителя, но и самого ученика. Слова в тексте у Ильи были написаны не только по-русски, но и по-немецки, по-польски, по-украински... А ошибок больше, чем слов. С трудом окончил 4-й класс.

Во время учёбы опять жил у тётки за занавеской. Каждую ночь она будила мальчика по несколько раз. Илья вскакивал и ничего не мог понять: облава, подъём на построение, тревога?.. Женщина объясняла Илье, что он громко кричал во сне на немецком языке, бился и плакал. Но слов ребёнка она не могла понять – не знала немецкого.

Сегодня Илья Григорьевич, сам уже отец и дедушка, тяжело вспоминает эпизоды своего военного детства: «Каждую ночь в бараке концлагеря кто-то из детей кричал на родном языке, звал маму и отца. Просыпался со слезами. Взрослые спрашивали: «Что случилось?» «А я дома был», - признавался ребёнок».

Но тогда, в тяжёлом послевоенном сорок седьмом, Илье надо было продолжать образование, как-то определяться в жизни. Для начала нужны были документы, а у Ильи, как оказалось, ничего не было. Паспорт ему не дали – ещё мал, а вот со свидетельством о рождении получилась история. Даты своего рождения мальчик не знал, в чём и признался делопроизводителю. Решили так: «Сегодня 2 июля 1947 года, - констатировал чиновник, - На вид тебе 13-14 лет. Давай сделаем тебе день рождения 2 июля, а год поставим 1933?» Илья согласился. Обучение продолжил в вечерней школе, где получил 7-и классное образование.

Затем физкультурный техникум в г. Волгограде, служба в Армии, где окончил школу воздушных стрелков-радистов и летал на ИЛ-28, перегоняя самолёты по маршруту Москва - Улан-Удэ – Китай. Вспоминается интересный случай из лётной практики. Из Китая летели на ЛИ-2. Впервые Илья летел над озером Байкал. И тут встаёт командир лётного экипажа, снимает шлемофон и с протянутой рукой идёт по салону. В шлемофон летит вся мелочь из карманов. Затем монеты высыпаются за борт в воды Байкала, а командир говорит: «Байкал-Батюшка, прими дань». Как узнал потом Илья Григорьевич, в годы Великой Отечественной войны над озером осуществлялись учебные полёты. Нередко случалось, что звено боевых самолётов попадало в нисходящий воздушный поток и все самолёты падали в воды Байкала. Поэтому у военных лётчиков и образовалась такая своеобразная традиция.

Случилось так, что судьба Ильи Григорьевича ещё раз прыгнула ступенькой. Из-за неисправности боевой самолёт пошёл резко на снижение. Стрелку-радисту Войновскому пришлось выбраться из машины. Упал в болото в Новгородской области. И не выжить бы молодому лётчику, да случайно заметил его и спас лесник.

Так судьба в который раз увела Илью от смерти. Бывает и так. Шесть лет отдал армейской службе сержант Войновский.

Демобилизовавшись, Илья Григорьевич много лет работал в школе педагогом. В этой же школе учителем труда работал мужчина, показавшийся Войновскому знакомым.

Долго вспоминал он, где, при каких обстоятельствах мог видеть это лицо, холодный давящий взгляд, эти крупные руки... И, как ожог: Польша, распределительный пункт, хлеборезка!.. Написал письмо сыну, который работал в Москве, в органах ФСБ. Сын прислал статью из газеты «Комсомольская правда», где раскрывалась деятельность нынешнего учителя труда в период фашистской оккупации в Польше. Этот человек уже отбыл 10-летний срок тюремного заключения.

Илья Григорьевич назвал мне его фамилию, но, по общепринятым законам, здесь я её называть не буду. Войновский подошёл к директору школы и объяснил ситуацию. По-видимому, руководитель детского учебного заведения счёл неуместным пребывание в школе человека с таким прошлым, и учитель труда был уволен. Возможно, бывший фашистский надзиратель продолжил работу с детьми в другой школе.

Сидит передо мной пожилой человек с добрым и светлым лицом, спокойно рассказывает о своей жизни. Это внешне. И, только влажный взгляд, чуть дрожащий голос выдают волнение, боль и непомерную душевную тяжесть...

Принято считать, что самые светлые воспоминания у человека – из детства. У Ильи Григорьевича Войновского, к сожалению, не так.

Библиография:

1. Войновский Илья Григорьевич / видеосъёмка Т. Верёвкина. – Мелеуз : Городская юношеская библиотека № 3, 2020. – 1 DVD-ROM (1 ч 38 мин). - Изображение (движущееся ; двухмерное) : видео.
2. Верёвкина, Т. Картины мрака не стираются из памяти... /Т. Верёвкина. – Текст : непосредственный // Путь Октября. – 2020. – 10 марта. – С. 5.
3. Никифоров, Д. Судьба его хранила / Д. Никифоров. – Текст : электронный // Путь Октября. – 2017. – 5 апреля. – URL: <http://putokt.bashkortostan102.ru/melnews/3762-sudba-ego-hranila.html> (дата обращения: 26.03.2020).
4. Семейный архив Войновского И. Г.

Год рождения – 1941-й

(об Александре Антоновне Кортавенко)

А мы не стали памяти перечить
И, вспомнив дни далекие, когда
Упала нам на слабенькие плечи
Огромная, не детская беда.

Р. Рождественский

Удивительна человеческая память. Можно не помнить недавние события, а можно до мельчайших подробностей помнить и заново, много раз, переживать эпизоды из юности, детства... Из военного детства.

Судьба Александры Антоновны Кортавенко началась неожиданно, как бы нечаянно и случайно. Девочка появилась на свет в селе Кондратовка, Хотиньского района Сумской области на Украине в сентябре 1941 года. Её младенцем мать подбросила под окно семье Быковченко. Приёмные родители нарекли девочку Олесей. А уже через месяц в село вошли фашисты. Приёмная мать всегда носила ребёнка за пазухой. Так и росла Олеся в любви, ничего пока не ведая о войне.

Вспоминаю молодость свою,
Детство одинокое в родном краю,
Женщину, пригревшую меня в войну,
На груди носившую в строю.

А. Кортавенко

Александра Антоновна говорит, что помнит, как в их доме жили немецкие солдаты, а семья перебралась в хлев. Но двор был общим, и она часто играла там. И сегодня женщина помнит те счастливые моменты, когда один из немцев брал её на руки и подбрасывал в воздух. «Тату! Тату!» - радостно кричала девочка. Солдат всё время говорил: "Ich habe noch sieben Kinder zu Hause" («У меня дома осталось семь детей») и показывал на руках семь пальцев. Часто угощал девочку хлебом, шоколадом.

Отец Олеси – Антон Филиппович прошёл Финскую войну 1939-1940 гг., знал финский язык и неплохо – немецкий. В 1941 году его не мобилизовали по возрасту. Но уже с первых дней формирования партизанского отряда под руководством С. А Ковпака, А. П. Быковченко стал партизаном. Ему поручили наблюдать за действиями, передвижениями фашистских войск в округе, прислушиваться к их разговорам и доносить в отряд. По этой причине он жил в селе с семьёй незаметно, тихо. Но сосед, его напарник по партизанской работе в селе, выдал товарища. И мало того, получил в благодарность от немецкого командования мебель из дома Антона Филипповича. Мать Александры Антоновны – Мария Филипповна особо жалела кухонный деревянный шкаф с резьбой.

Семью Быковченко арестовали и заперли на кухне бывшего своего дома, где новая власть устроила склад и хранила зерно. Антона Филипповича принудительно заставили работать на конюшне, которая находилась тут же, рядом с домом. В сарае он нашёл полусгнившие розвальни и, отпилив непригодную заднюю часть, получил то ли небольшие сани, то ли салазки. Этот непонятный предмет, как бы за ненадобностью, тихонько бросил под окно кухни. Всё делалось с дальним прицелом.

Было начало весны, таял снег, но по ночам было ещё холодно, морозно. Ночью, запертые на кухне, родители не спали. Александра Антоновна сама помнит, как отец, набросив телогрейку на окно, тихо, без шума и звона, выдавил раму со стеклом наружу. Он имел опыт подпольной работы с Финской войны. Первым выпрыгнул отец и принял от жены ребёнка, скудный узелок со скарбом. Девочку привязали к саням и по замёрзшим к ночи сугробам, а где и по мокрому снегу, быстро и осторожно шли к большой дороге, по которой день и ночь тянулись беженцы – женщины, старики и дети. К утру, проводив семью до колонны беженцев, Антон Филиппович ушёл в партизанский отряд. А мать с ребёнком шли от деревни до деревни, по хуторам... «Помню не умом, а душераздирающим страхом, как шла впереди нас женщина с тремя малыми детьми и мальчик, едва умевший ходить, поскользнулся на грязи и упал в придорожную канаву, где бурля, неслись талые воды. Круговорот воды вот-вот поглотит ребёнка, мать бросилась к нему. А шедший рядом немецкий солдат из конвоя, контролировавший поток беженцев, не проявляя эмоций, спокойно и хладнокровно расстрелял ребёнка в воде. Мальчик, захлёбываясь, ушёл под воду на глазах обезумевшей матери и нас, женщин, детей», - вспоминает сегодня Александра Антоновна, а в глазах у неё – ужас и страх, как в тот день, в детстве.

«А ещё помню, как уставшие, голодные, женщины с детьми решили остановиться на отдых в придорожном лесочке. Обрадовались полноводному ручью с талой снеговой водой. Кто-то спешил умыться, кто-то что-то простирнуть, многие пили, набирали воду в чайники, котелки. Я очень хотела пить, мама поила меня из своей пригоршни, потом пила сама. Но вот толпа успокоилась, сели отдохнуть, вздремнуть, у кого был хлеб – перекусить. И вдруг – страшный крик. Все повскакали, подбежали к женщине, а она ничего сказать не может, закрывает рот ладонью и другой рукой показывает вверх по ручью. И только сейчас все увидели, что вверху по течению ручья, в воде лежит раздувшийся, разлагающийся труп немецкого солдата. Вид ужасный. Меня вырвало сразу, мама упала на колени и согнулась пополам. Рвало, выворачивая, многих, - мысленно возвращается в те страшные дни Александра Антоновна. - Это я помню сама. Потом, после войны, кое-что рассказывала мне и мама».

Всего лишь несколько месяцев шла Олеся с матерью в колонне беженцев, но там – большая часть детства. То поколение детей взрослело рано, рано видело смерть, жестокость, боль, страх...

«Останавливались на хуторах, в деревнях, покинутых, сожжённых... В уцелевших хатах, хлевах, погребях, банях ночевали. Если цела хата с печью – настоящее счастье. Мама топила печь, и было тепло. Иногда в погребях, на огородах, находили немного съестного», - с тихой горестью вспоминает женщина.

И сегодня у Александры Антоновны и Ивана Ефимовича в центре дома стоит печь. Обычная, кирпичная, побеленная. Она создаёт чувство уюта, тепла, защищённости.

В доме электрическое отопление. Удивляюсь: «Вы топите печь?» «Нет, но сломать рука не поднимается, ведь печь нам родная, кормилица и спасительница. Только тот, кто прошёл военные холода и голод, поймёт», - признаётся хозяйка. «А ещё на печи я выучилась грамоте. Лежим с мамой на печи, а мама углём на белённой стене пишет буквы, учит меня. Моя первая пропись по чистописанию – стена за печкой. Была то я совсем мала, но читать и писать научилась вот таким немудреным способом», - разводит руками собеседница.

А. А. Кортавенко, 1959 г.

В августе 1943 года Олеся с матерью вернулись в своё село, а в сентябре его уже освободили советские войска. Но запомнились Олесе те дни не этим, а маминой хворостинкой. «Очень обидно было – помогла маме, а получила наказание прутиком. И только позже мама рассказала мне, почему вместе со мной тогда плакала и она. Советские войска наступали, вошли в наше село, а враги без боя село не сдают. Перестрелка. И вот так получилось, что на нашем берегу речки немцы стреляют, а с другого берега огонь ведут наши войска. Только местные жители к стрельбе привыкли, а дети так и совсем не обращают внимание. Мама накануне принесла воды из реки и в тот день во дворе нашего дома стирала. Вёдер, плошек никаких не было. Носили воду в немецких солдатских касках. Вот я и взяла валявшуюся без пригляда фашистскую каску и пошла тихонько к реке за водой. А пули рядом свистят,

только я не понимаю, как это опасно. Звуки войны настолько вошли в повседневную жизнь, что их просто не слышишь. И вдруг – оглушающая тишина. Первыми прекратили огонь с другого берега, а потом и немцы стрельбу приостановили. И только когда я набрала воды и вернулась в свой двор – стрельба продолжилась, а я увидела побелевшее лицо мамы, опрокинутое корыто... Вот тут мне и попало», - вздохнула Александра Антоновна и долго молчала.

Дом семьи Быковченко немцы приспособили себе под баню. И после их отхода маме одной пришлось приводить дом в порядок. На чердаке она затирала дыры, а маленькая Олеся поднимала туда в каске глину, песок, воду. Сегодня этому можно удивиться и даже не поверить, а в военные годы то было в порядке вещей. Отец воевал в партизанском отряде, вернулся после окончания войны сильно израненный и умер от ран в военном госпитале г. Сумы в 1947 году. Марии Филипповне было трудно. Хотя она и была грамотной, получившей хорошее образование женщиной, на работу её нигде не принимали. Была она дочерью помещика – «врага народа», а это клеймо на всю жизнь. Подспорьем был огород. Но, всё же, женщине пришлось продать дом и уехать. В селе Хотинь снимали маленький уголок у одинокого старика. Мария Филипповна получала мизерную пенсию за погибшего на Финской войне сына – пять рублей. На эти деньги

вытянуть ребёнка было невозможно, и она решается на отчаянный шаг – сдаёт дочь в детский дом, чтобы спасти девочку от голодной смерти. Всю войну, впроголодь, живя на оккупированной фашистами территории, выжили. А вот теперь, без войны, дочери «врага народа», оказалось не под силу бороться с бюрократией. Олеся на приёмную мать никогда обиду не держала, – знала, как она и отец любили её. Марию Филипповну считает родным и самым близким человеком.

В детском доме тоже было голодно, но давали хлеб. Мало, сырого, то ли непропечённого, то ли из мякины. Старшие воспитанники, мальчишки хлеб отбирали. Малыши приноровились прятать хлебные кусочки в трусики, а потом, засунув туда руку и размяв липкую мякоть в ладони, облизывали пальцы, стараясь растянуть вкус хлеба во рту подольше.

Помню детский дом,
Как этот хлеб, в пальцах разминая,
Слизывали с них,
Голод утоляя.

А. Кортавенко

Очень скучала по маме, но привыкшая к лишениям и тяготам войны, терпела и знала, что мама однажды обязательно придёт.

Как-то на Первомайский праздник попросили Олесю выучить стихотворение. И вот, на летней сцене, перед воспитанниками и работниками детского дома девочка читает стих и вдруг... И вдруг – глазами ловит взгляд незнакомой женщины, стоящей сзади зрителей. Ей или плохо, или она обессилена – держится за столб и жадно смотрит на неё. Кажется, остановилось сердце – у женщины на носу, сбоку – маленькая родинка. Это лицо с родинкой снилось во сне Олеся, это лицо склонялось над её колыбелью, это родное до боли лицо и оранжевая подкладка старенького лёгкого пальто, которым часто накрывала её мама... Почему перехватило дыхание?... Девочка потеряла сознание и упала.

Мария Филипповна не могла устроиться на работу и, не имея средств к существованию, была вынуждена без любви выйти замуж, только чтобы выжить. Теперь как-то сводились концы с концами и она могла забирать дочь из детского дома на выходные дни и каникулы. Отчим принял девочку, не обижал. Но детдом вскоре расформировали и девочка, прибавив себе два года и на этом основании получив аттестат о школьном образовании, с подружкой поехала в Москву, к маминей старшей дочери, в

Супруги Кортавенко, 2020 г.

многодетную семью, ютившуюся в коммунальной квартире.

И впереди у Олеси была целая жизнь. Имя Олеся как-то трансформировалось в Алесю, в Александру. И с новым именем началась другая, уже взрослая жизнь. Москва, Академическое музыкальное училище, вокальное отделение, мизерная стипендия и голодные обмороки. Музыка пришлось оставить и пойти учиться в фабрично-заводское училище, где было общежитие, бесплатные обеды и одежда, неплохая стипендия. Потом завод, заочное обучение в техникуме, замужество... и хутор Кочкарь в Мелеузовском районе. Было и свидание на Сахалине с женщиной, которая её родила, но не воспитала и разочарование в той встрече.

А песни? Песней можно назвать всю жизнь Александры Антоновны. В ней есть и грусть, и радость... Поёт Александра всегда. Все родственники, друзья, знакомые, восторженно замирают, когда эта талантливая, красивая и добрая женщина начинает петь. Вы не поверите – её голос льётся и завораживает, берёт за душу, несёт в украинские степи... Александра Антоновна свободно владеет и русским, и украинским языком. Удивительно поёт и русские, и украинские песни.

И вот в вечерней тишине плывёт голос уже немолодой женщины, но кажется, что исполнительница – та самая дивчина, которая «писню спивае» для молодого казака.

Мисяць на нэби, зиронькы сяють,
Тыхо по ричци човэн плывэ.
В човни дивчына писню спивае,
А козак Чуе, сэрдэнько мрэ...

Клонятся по ветру высокие цветы в палисаднике, на столе так и не допит чай с травами, пахнет мёдом и цветочной пылью с пасеки, что рядом с домом. А на небе яркий месяц, как и много лет назад, в маленьком селе Кондратовка, что на Украине.

Гостеприимная хозяйка задумалась, потом, как бы очнувшись, сказала: «Не дай Бог войны!»

Библиография:

1. Верёвкина, Т. Год рождения 1941 / Т. Верёвкина. – Текст : электронный // Путь Октября. – 2020. – 15 сентября. - URL: <https://putokt.rbsmi.ru/articles/gody-ilyudi/God-rozdeniya-1941-y-455478/> (дата обращения: 06.10.2020).
2. Кортавенко, А. А. Воспоминания / А. А. Кортавенко ; записала Т. А. Верёвкина. – Мелеуз, 2020. – 5 с. – Текст : непосредственный.
3. Семейный архив Кортавенко А. А.

«Я помню, как всё это было...»

(о Петре Фёдоровиче Сухонос)

Далёкие годы, тревожные годы...
Бежали на фронт из тылов пацаны.
Прошла беспризорная наша свобода.
Четыре ли года? - Нет, века войны.

А. Дольский

Предлагаемый очерк – попытка донести до сегодняшнего поколения одну страницу из великой эпопеи, называемой Великой Отечественной войной, один из эпизодов военного лихолетья.

Прочитав немало книг о войне, просмотрев ряд кинофильмов, авторы которых – очевидцы изображаемых событий, встречаясь с людьми, пережившими войну на фронте, в тылу, в оккупации, плену, понимаешь, что у всех из них своя война, свой взгляд, свои воспоминания и интерпретация событий.

Как вспоминали военные годы супруги Пётр Фёдорович Сухонос и Галина Дмитриевна Крыжня, рассказала их дочь Татьяна Петровна Жемчужникова, проживающая в Мелеузе.

Немецко-фашистские захватчики оккупировали западные районы СССР, в том числе и Украину, за несколько недель июня-июля 1941 года. Быстро продвигаясь по украинской территории, уже в августе 1941 года пришли враги и в родное село Петра Фёдоровича Сухонос – Александровку, Васильковского района Днепропетровской области. Односельчане-мужчины призывного возраста были призваны в ряды Красной Армии и отступили вместе с советскими войсками вглубь страны. В селе остались дети, подростки, женщины и старики. Петру было в ту пору 16 лет, но мальчишка он был смысленый, с неуёмным характером.

Сразу же выявились активисты, желающие работать на фашистский режим, получившие наручные повязки с фашистской свастикой. Немецкие солдаты и полицаи согнали всех жителей села за околицей, пересчитали, переписали людей и объявили оккупационный режим: устанавливался комендантский час, запрещались передвижения за пределы села, сборища, собрания. Сельчане выселяются из своих домов, где теперь будут жить офицеры и солдаты вермахта.

Пётр Фёдорович Сухонос

Объявлялись принудительные работы для местного населения на великую Германию. Старики и женщины с детьми перебирались на житьё в хлева, бани, погребя. Выходить без надобности запрещалось. Да и сами жители понимали, что попадаться на глаза представителям новой власти не безопасно.

Перебралась на житьё в хлев и семья Галины Крыжной. Чтобы избежать домогательств, в 16 лет она носила низко повязанный на лицо платок, бабушкину латаную одежонку, лицо марала сажеей, ходила сгорбившись и шаркая ногами, как старуха. В составе немецко-фашистских войск в города и сёла Украины вошли итальянцы, румыны, мадьяры. Если итальянцы были относительно лояльны к мирному населению, то румыны и, особенно мадьяры, проявляли особую жестокость: грабёж, мародёрство, насилие.

В спешке отступления советские войска часто не успевали вывозить или уничтожать хлеб, уголь, боеприпасы... На окраине села Александровка наши войска, отходя, закопали значительное количество оружия. Место хранения знал ... Полицаи донесли на него оккупантам. ... схватили, водили по селу, за околицей – требовали указать место, где зарыто оружие. Мальчика жестоко били, издевались, пытали, но маленький герой тайны не выдал. ... расстреляли.

В тот год выдался отменный урожай хлебов. Пшеница и рожь были в человеческий рост. Убранный сельчанами урожай предназначался для Германии. Туда же отправлялся в товарных вагонах плодородный украинский чернозём, который копали и грузили женщины и старики. Перевозился на запад и уголь, добытый в местных шахтах.

Молодёжь отправляли на работы в Германию. Оставшихся в селе принуждали к тяжёлым сельскохозяйственным работам, к работам на железнодорожной станции. Людей рано утром и поздно вечером гнали строем под дулом автомата, не разрешая разговаривать и отвлекаться. Во время работы вооружённая охрана не давала возможности даже немного отдохнуть, на обед давалось несколько минут. К концу дня старики и женщины буквально валились с ног.

А молодых людей в Германию отправляли в грязных, приспособленных для перевозки скота товарных вагонах. Перед отправкой подростков, молодых людей осматривал немецкий военный врач. Особенно боялись немцы инфекционных и кожных заболеваний, эпилепсии. Галина несколько раз призывалась на освидетельствование по пригодности к трудовой повинности. Но мама настаивала табак на молоке и поила дочь отвратительным напитком, который вызывал у Гали временное помутнение рассудка. У девочки закатывались глаза, изо рта шла пеной слюна. Имитация эпилепсии получалась правдоподобной. Немецкий врач, увидев «больную», отмахивался руками и кричал: «Weg! Weg!» («Прочь! Прочь!» - авт.).

Пётр уклониться от этой трудовой повинности не сумел и попал в списки отправляемых в Германию на принудительные работы. До отправки всех, признанных здоровыми, закрыли в сарае, не потрудившись поставить охрану. Этим воспользовался Пётр и ночью, проделав дыру в соломенной крыше, убежал.

Тайком пробрался в хлев, где теперь жила его семья. Вышла испуганная мама, у которой Пётр попросил что-нибудь поесть. Она собрала узелок с едой и со слезами отдала сыну. Два месяца скрывался Петя на берегу речки, в тальнике. Но сосед – полицай, выследил мальчика и доложил в немецкую комендатуру. И как только очередной раз Пётр пришёл за узелком, его уже ждали солдаты с собаками.

Убегал Петя по противотанковым траншеям, что за селом. Окопы были трёхметровой глубины и имели многочисленные ответвления. Пётр петлял. Фашисты так и не решились в ночной темноте спустить с поводка собак в глубокие земляные рвы.

Следующей ночью мальчик опять пришёл к родным. Приотворив дверь на условный стук, мать с испугом рассказала сыну, что арестован отец и начальник комендатуры грозил расстрелять всю семью с тремя малыми детьми, если Пётр не сдастся властям. Женщина просит сына пойти в комендатуру с повинной. «Ты молодой, здоровый, даст Бог, ещё раз убежишь», - слёзно уговаривала она Петра. Надев сыну на шею ладанку, перекрестила и благословила его.

Мальчик сдался, был жестоко избит и посажен в тот же сарай. Но на этот раз под усиленной охраной. Затем – грузовой железнодорожный вагон, куда были набиты и парни, и девушки. Негде было не только прилечь, но и сидеть. Первая мысль Петра: «Бежать! При любых обстоятельствах, каким бы то ни было способом – бежать!» Долго не думая, сообщая с другими пленными, принимается рискованное решение. Ночью тихо отодрали деревянную доску пола и согнувшееся тело подростка на «Раз, два, три!» - выталкивают в щель ягодицами вперёд. Падая, Пётр сильно ударился о шпалы, от удара на несколько минут потерял сознание. Очнувшись, когда вдали, в предутреннем тумане, исчезали огни последнего вагона. Первая мысль: «Жив! Жи-и-в! И это – главное! Домой идти опасно». Сильный ушиб головы, спины дали

П. Ф. Сухонос, 1969 г.

знать страшной болью. Скотившись с насыпи, пошёл на восток. Определил, что находится в районе Запорожья. Несколько недель пробирался по ночам полями, огородами, осторожно заходя на хутора. Места ушибов – затылок, спина, ягодицы и задняя часть ног покрылись сплошным синяком, кровоподтёками, коростой. Стоял сентябрь 1943 года.

В одну из ночей увидел впереди контуры военных орудий, услышал в окопах русскую речь. Набив в штаны, под рубашку, взяв в руки степную траву перекаати-поле, пополз на голоса. Свалился в окоп и сразу повис в сильной руке, схватившей его за шиворот. После встряски, беглого опроса, подростка под конвоем повели к командиру. Пётр честно всё рассказал и добавил: «Хочу воевать, чтобы убивать фашистов и прогнать их с родной земли! Дайте мне оружие!» Как оказалось, он попал в расположение 61-ой гвардейской стрелковой дивизии. Выдали обмундирование, поставили на довольствие, неделю учили обращаться с оружием, зачислили в батальон разведчиком – он знал местность, владел украинским языком и, к тому же, был отчаянным парнем.

Красноармеец Пётр Сухонос принимал участие в форсировании Днепра, в

Пётр Фёдорович и Галина Дмитриевна Сухонос

освобождении Молдавии, в Яско-Тисской операции. В апреле 1944 года группа разведчиков, в составе которой был и Пётр, наткнулась на немецкий дот и была расстреляна в упор. Пётр получил тяжёлое ранение в голову и множественные осколочные ранения в спину, ноги. Его на следующий день подобрала похоронная команда в бессознательном состоянии и поместила в военно-полевой морг. Очнулся Пётр ночью от

жуткого холода и, тихо, едва шевеля бесчувственными губами, прошептал случайно заглянувшей медсестре: «Сестричка, мне холодно, накрой меня...»

Тяжелораненого сразу определили на операционный стол, где извлекли крупные осколки, множество мелких трогать не стали – солдат отказался. Так и прожил Пётр с ними всю оставшуюся жизнь.

После долгого лечения был комиссован и вернулся в родное село, работал в совхозе бригадиром. В 1946 году закончил Ерастовский сельскохозяйственный техникум и агрономом много лет растил хлеба на родной земле.

Вернулись в село и колхозники, которым в июле 1941 года было поручено дело государственной важности – перегнать колхозное стадо в казахские степи, чтобы спасти его от врага и снабжать фронт мясом и молочными продуктами. В большой спешке было принято данное решение, времени на сборы практически не было. Старшей сестре Галины – Федоре, доярке, разрешили взять с собой только одного ребёнка. Она взяла самого младшего – четырёхлетнего Толю.

Стадо коров, овец, коз в несколько сот голов перегоняли несколько женщин и стариков. В пути были четыре месяца. В дороге скотину надо было кормить, поить, принимать отёл, ухаживать за молодняком, доить, лечить... Молоко сдавалось по документам в колхозы, совхозы, госпиталя, детские учреждения... Конечно же, был и падеж скота. Учёт поголовья животных вёлся строго. Через четыре месяца добрались до степей Казахстана, наскоро соорудили под открытым небом загоны для скота, вырыли землянки. Были проблемы с пресной водой, практически не было подножного корма – степные травы выжжены солнцем. Но постепенно организовывался быт, быстро наладились поставки соломы и сена из Сибири. Основная масса скота выжила. Плановые показатели по поставке на фронт мясных и молочных продуктов выполнялись.

В октябре 1943 года, когда Днепропетровская область была освобождена, доярки и скотники вернулись в родной совхоз, но без стада. Предстояло с нуля восстанавливать поголовье скота. Помнит ли кто сегодня этот подвиг?

Уже после войны, спустя годы, в селе Александровка поставили обелиск с именами тех, кто в грозные военные годы с оружием в руках защищал нашу Родину. Фамилия Сухонос упоминается в списке порядка тридцати раз. Но на каком обелиске обозначить имена тех, кто жил в оккупированных сёлах и городах, тем, кто работал в тылу?

Обелиском им стала народная память, которая не имеет сроков давности и грифа «секретно».

Библиография:

1. Жемчужникова, Т. П. Об отце / Т. П. Жемчужникова ; видеосъёмка Т. Верёвкина. – Мелеуз : Городская юношеская библиотека № 3, 2020. – 1 DVD-ROM (32 мин). - Изображение (движущееся ; двумерное) : видео.
2. Семейный архив Жемчужниковой Т. П.

Счастливым человеком

(о Серафиме Ивановне Шалиной)

За каждый лучик света
Учитесь жизнь свою благодарить...

И. Самарина

На тихой окраине Мелеуза, на одной из уютных улочек, живёт женщина, которой в этом году исполнилось 93 года. В её судьбе были и сиротство, и детский дом, и фашистская оккупация, и работа в местах, разбросанных по всему необъятному Советскому Союзу, и Магадан...

Серафима Ивановна Шалина
Кольма, 1950 г.

Серафима Ивановна Шалина считает себя счастливым человеком и на десятом десятке радуется простым проявлениям жизни – урожаю в своём огороде, лучику солнца, заглянувшему в окно, новому дню...

А началась жизнь Сима Симоненко на Кубани в 1928 году. Родителей своих и не помнит. Отец умер, когда девочке было четыре года, следом ушла и мать. И в пять лет Сима осталась сиротой. Старший брат Василий призвался на службу в Красную Армию, а сестра Варя вышла замуж и младшая стала ей обузой. Как-то Варя предложила сестре:

- Пойдём на пирс, посмотрим корабли и пароходы.

Завела девочку на палубу парохода и почему-то спросила:

- Сима, ты знаешь свою фамилию? А кто тебе я?

Серафима ответила и, когда сестра велела стоять здесь и ждать её, долго стояла в сторонке, потом устала и присела. Вдруг пароход дёрнулся и отчалил от пристани. Сима заплакала, ведь теперь сестра потеряет и не найдёт её. На ближайшей пристани девочку отвели в дежурный пункт милиции. Потом – детский дом в Краснодаре.

В августе 1942 года в город вошли фашисты. Серафима Ивановна хорошо помнит, что в первых числах августа руководство детского дома, наспех собрав детей и нехитрый скарб, на повозках решили выехать из Краснодара. Но на окраине города им дорогу перегородили немецкие мотоциклы, колонны вражеских солдат. Большое скопление людей и техники, шум, громкая и резкая немецкая речь испугали детей, кто-то заплакал.

Повозки повернули назад. Вернулись к пустым амбарам. Перед эвакуацией спешно раздали жителям близлежащих домов кур, гусей из подсобного хозяйства, корма.

Отдали и многие продовольственные запасы, которые не могли увезти. У детского дома были свои посевные площади, которые засеивались пшеницей, кукурузой, подсолнечником, картофелем. Урожаи всегда были богатыми. Но, вернувшись, оказались с небольшим продовольственным запасом. Жили теперь и не голодно, и не сытно.

Но тут в детском доме появились постояльцы в фашистской форме. «Было их примерно человек двадцать. Поселились они в боковой комнате около столовой. Во дворе стояли машины и мотоциклы с немецкими крестами. Неудобств они нам не доставляли, в наши комнаты не заходили. Иногда разговаривали с нами, и что удивительно, на русском языке. Тогда мы не придавали этому значение, а сейчас я и не объясню. Солдаты рассказывали о своих семьях, детях. Питались немцы вместе с нами в столовой. Только удивительно, что обедали они всегда без хлеба, а мы, дети, с хлебом. Видимо, хлеба не хватало», - вспоминает Серафима Ивановна.

Перед попыткой эвакуации работники и воспитанники детского дома собрали урожай на своих огородах, но вывезти не успели. И немецкие солдаты на своей технике помогли детскому дому привезти овощи с полей. Заглянули они и в кладовые, где с продовольствием оказалось не густо. Солдаты проехали по ближайшим колхозам и привезли свиней, двух телят и другую провизию. Резать животных и обрабатывать туши немцам помогали старшие мальчики. Теперь борщи были с мясом.

Серафима Ивановна прервав рассказ, долго молчала. Потом, как бы очнувшись, продолжила: «В тот день я с девочками и Сарой Григорьевной – воспитательницей, дежурила в столовой. Вдруг вошли незнакомые немецкие солдаты и, подойдя к женщине, по-немецки спросили её фамилию. Сара Григорьевна хорошо знала немецкий, её отец был евреем, а мать – русская. Мы все это знали, но никогда над этим не задумывались. Вдруг она побледнела и выронила из рук ложки. Молча сняла фартук и ушла с немцами. Больше мы её не видели».

Немецкие солдаты, прожив в детдоме несколько недель, съехали. Директор Александр Семёнович (фамилии Серафима Ивановна не помнит) срочно построил ребят и персонал детдома на линейку и спросил: «В каком платье была Сара Григорьевна, когда её арестовали немцы?» Мы, девочки, дежурившие в тот день в столовой, сказали, что на ней было белое платье в синий горошек. Педагоги и старшие мальчики ходили по местам, где фашисты расстреливали евреев.

С. И. Шалина, Мелеуз, 2009 г.

Они видели груды трупов. Местные жители пытались хоть как-то их захоронить в общих ямах. Мы хотели похоронить Сару Григорьевну в отдельной могиле. Но её не нашли.

Немецкие войска покинули Краснодар, но остались полицаи. В конце января 1943 года они приехали в детский дом и велели всем построиться. Воспитатели тайком шепнули девочкам: «Скажите мальчикам, чтобы убегали. Всем нам бежать нельзя, заметят». Мальчишки кинулись к реке, переплыли к Константиновской электростанции. А там уже наши войска, которые спешно переправились через реку. Жандармы на подводах в спешке бежали. Как оказалось, они имели списки семей, члены которых служили в Красной Армии. Эти семьи, как и детдомовских детей с персоналом, планировалось расстрелять. Мы, попрытавшиеся от страха кто где мог, выбегали на улицу и кричали: «Наши! Наши пришли!»

С приходом советских войск возобновилась учёба в школе. Серафима училась в шестом классе. Но доучиться не пришлось – детдом расформировали и ребят постарше, в том числе и Серафиму, определили на постой в семью колхозников, а работать пришлось в колхозе «Рассвет» на самых разных работах.

Потом по найму работала на сборе чая в Грузии, освоила профессию штукатура на строительстве города Невьянска, затем тридцать пять лет трудилась на Колыме на золотых приисках...

И вот судьба привела Серафиму Ивановну в наш небольшой уютный городок, где живёт уже много лет. А по весне в её саду буйно цветёт черешня, как на Кубани. Смотришь на Серафиму Ивановну и видишь не старого человека, а счастливую женщину.

Библиография:

1. Жемчужникова, Т. П. На чужой стороне : воспоминания / Т. П. Жемчужникова. – Мелеуз, 2020. – 2 с. – Текст : непосредственный.
2. Семейный архив Шалиной С. И.
3. Шалина, С. И. Моя жизнь / С. И. Шалина ; видеосъёмка Т. Верёвкина. – Мелеуз : Городская юношеская библиотека № 3, 2020. – 1 DVD-ROM (1 ч 21 мин). - Изображение (движущееся ; двухмерное) : видео.

Спасённое

детство

Этюды памяти

(о художниках-воскресенцах)

Года пройдут, но эти дни и ночи
Придут не раз во сне тебе и мне.
И, пусть мы были маленькими очень,
Мы тоже победили в той войне.

Р. Рождественский

В далёком военном 1941 году из Москвы в Башкирию была эвакуирована детская художественная школа при Институте живописи им. В. И. Сурикова. Многие из учеников школы впоследствии стали известными художниками, на всю жизнь сохранившими и в памяти, и в полотнах затерявшееся в предгорьях Южного Урала село Воскресенское.

Н. А. Каренберг

Талантливые дети прибыли в село Воскресенское в три этапа – в июле, августе и сентябре. Директор школы Н. А. Карренберг, которому в ту пору было всего-то 33 года, спасая детей от голода, бомбёжек, сохранял не только их жизни, но и их талант, будущее поколение художников, целый пласт отечественного изобразительного искусства. В каждом из юных учеников был заложен огромный творческий потенциал. Никто из детей и педагогов не веря, что война продлится долго, приехали в село Воскресенское на летний пленэр легко одетыми, с холстами и красками, творческими планами и надеждой скоро вернуться в Москву, в стены

родной школы, к родителям...

Ехали на поезде в теплушках, авианалёты, взрывы. Но юные художники переживали лишь о том, что не могут воевать с оружием в руках, участвовать в боях. «Не тем мы занимаемся и не туда, куда надо бы, едем», – говорил своему однокласснику Гелию Коржеву Моня Миркин. Через два года, когда ему исполнится 18 лет и школа вернется из эвакуации, Миркин запишется добровольцем на фронт и погибнет в бою за освобождение Венгрии.

Этот «пленэр» продлился два года. Дети навсегда запомнили период своего детства и юности в Воскресенском и вспоминали его как лучшие годы, подарившие на всю оставшуюся жизнь не только тёплые воспоминания, но и заряд вдохновения, положившего начало преобразованию юных дарований в мастеров. Запомнили и удивительную природу этого края, и своих учителей, и работу в колхозе, и трудную, по-военному полуголодную, но самостоятельную жизнь, когда в простых крестьянских лаптях по несколько часов летом и зимой, под открытым небом, писали жителей и пейзажи Воскресенского. «Полупогребённое под снегом село. А на улицах села – фигурки кое-как одетых ребят и девчонок с этюдниками. Голодных, замёрзших, яростно спорящих о только что сделанных набросках», - пишет о том времени Илья Симанчук в своей книге «У тех Синих Венцов...».

Читая воспоминания, дневники и письма учащихся детской художественной школы тех лет, проведённых в Воскресенске, цепляешься за отдельные факты и подробности. «Мерзляков поймал мышеловкой сороку, которую мы писали. Я писал маслом. Потом ребята, ощипав её, сварили суп, который оказался очень вкусным...», - пишет в дневнике Андрей Горский в декабре 1941 года. Там же: «После обеда ходили гулять в горы. После прогулки сварили кофейник картошки с воробьём, которого подстрелили. После школы пошли копать школьный огород – 11 га. Вшестером вскопали 6 соток. Ужасно устали. Лопаты тупые». Листая страницы чудом сохранившегося дневника, часто натыкаешься на записи о еде. Ребята недоедали и мальчикам было особенно трудно. «Идём копать огород внайм – 5 соток за 30 рублей, 10 яиц, 2 литра молока. За день вскопали пол-огорода – получили половину. Копать засохшую пойменную землю было тяжело», - запись в дневнике от мая 1942 года. Клара Власова вспоминая то далёкое время, рассказывает и по-детски смеётся: «Прихожу в общежитие к мальчикам, а у них в середине комнаты мешок прыгает. Я не столько испугалась, сколько удивилась. Оказывается, это птицы для дальнейшей обработки. Они часто разорвали гнёзда, ловили рыбу, раков...»

Поколение оптимистов, тружеников и замечательных художников. Среди этой творческой молодежи были Гелий Коржев, Клара Власова, Петр Оссовский, Андрей Марц, Виктор Иванов, Борис Немечек, Владимир Стожаров, Олег Буткевич, Алексей Ткачёв, братья Тутуновы, Руслан Кобозев, Валентин Пурыгин, Иван Архипов, Виктор Бабицын, в будущем известные художники у нас в стране и за рубежом.

Яркие впечатления эвакуированных детей отобразились в удивительных картинах, где есть и щемящее чувство Родины, и детская наблюдательность, и несомненный талант. Пронзительно глубоко краски полотен, созданных по мотивам воспоминаний о времени, проведенном в Воскресенском.

Зима в предгорьях Урала оказалась суровой. Но хуже всего было то, что кончились запасы картона и бумаги, холстов и красок. Выход из этой ситуации искали все. Виктор Иванов, ныне действительный член Российской академии художеств, чей «Автопортрет» приобрела знаменитая галерея Уффици, в сельском общежитии затачивал гусиные перья, чтобы рисовать тушью. Пробовали писать, разбавляя краски втихую стаченной из медпункта касторкой, но она, проклятая, напрочь отказывалась сохнуть. Испробовали «клопомор»: вышло сносно, но потом этюды почернели. На холсты шли распоротые и натянутые на рамы мешки. Их тоже надо было чем-то грунтовать. Не было холстов — приспособились к местной продукции. В годы войны в здании бывшего Воскресенского

завода работала небольшая мебельная фабрика, выпускавшая мебель, лыжи для фронта, ящики для снарядов, деревянные детали для самолетов и коричневый ноздреватый картон — из соломы и прессованных опилок. Его-то и научились грунтовать под масло. Как реликвии хранят сегодня в частных коллекциях московские художники свои старые работы, выполненные на воскресенском картоне.

Есть они и в коллекции Воскресенской картинной галереи, созданной по инициативе художников-воскресенцев в знак благодарности за человеческую доброту, проявленную в годы Великой Отечественной войны. Задумка сказать таким образом «спасибо» жителям села, которые приютили юных художников, появилась у Виктора Бабицына и Руслана Кобозева, побывавших много лет спустя в селе Воскресенское. И в 1971 году картинная галерея была открыта. Первые работы, положившие начало формированию художественного собрания сельской галереи — картины, подаренные Н. А. Сапожниковой, К. Ф. Власовой, В. А. Бабицыным, Т. А. Осиповой, О. В. Буткевичем и другими мастерами.

Жизнь художественной школы не ограничивалась учебным процессом. Юные художники и их педагоги осуществляли активную выставочную деятельность. Два года жизни и творческой работы школы в эвакуации в Башкирии нашли отражение в организованных выставках: в 1942 году в Уфе и в январе 1943 года в Москве в залах "Всехудожника".

«Точно не установлено, подорвался ли транспорт, следовавший из СССР к берегам Северной Америки, на mine или его торпедировала субмарина «волчьей стаи» гросс-адмирала Деница. Бортрадист стремительно погружавшегося в океанскую пучину судна, успел лишь послать в эфир сигнал «SOS! — пишет Виталий Меньшиков, выпускник московской художественной школы 1946 года, - Вместе с кораблем ко дну шёл уникальный груз: ящики с бережно упакованными работами юных воспитанников Московской средней художественной школы (МСХШ) при Институте живописи им. В.И. Сурикова, эвакуированных в уральское село Воскресенское, где они пробыли с июля 1941-го по май 1943-го. Их пейзажи и портреты жителей далекого русского села военной поры предназначались для вернисажа в США...

Загруженные на роковой рейс 100 лучших произведений учеников МСХШ, только вернувшихся в Москву из двухлетней эвакуации, были отобраны на выставке работ юных дарований, развернутой в том же 1943 году в залах Третьяковской галереи. Этот пронизанный дыханием Великой Отечественной войны московский вернисаж вызвал небывалый интерес столичной публики и представителей союзников по антигитлеровской коалиции. Валюта, вырученная от продажи иностранцам работ юных художников, была направлена на нужды фронта».

XV юбилейный Открытый Фестиваль Искусств «Черешневый лес» устроил выставку «Искусство в эвакуации», которая открылась в апреле 2015 г. в Институте Русского Реалистического Искусства. Здесь были представлены и работы художников «воскресенского» периода.

В сентябре 2017 г. представители Художественного музея им. М. В. Нестерова торжественно открыли в Союзе художников России знаменательную для москвичей выставку «Адрес памяти – Воскресенское». Посетили выставочную экспозицию и

будущие создатели документального фильма «Познавая цвет войны» о художниках-воскресенцах.

«Когда я познакомилась с историями юных художников, они поразили меня до глубины души. Насколько взрослыми были поступки и мысли этих детей. Их подвиги заслуживают не меньшего уважения, чем подвиги взрослых, и мы благодарны им за вклад в наше с вами будущее. Невероятно, что у нас есть возможность узнать эти истории из первых уст и поделиться с вами! Очень важно не упустить её», - сказала Анастасия Трубчевская, продюсер и режиссёр фильма.

Творческая группа, вдохновившись историями художников, сняла полнометражный документальный фильм. Взяли интервью у тех, кто ещё жив –

Клара Власова, Виктор Иванов, Валентин Сидоров, Братья Ткачевы и др. Героям фильма уже более 90 лет. Это поколение уходит, и авторы посчитали важным, чтобы молодое поколение узнало о судьбах известных художников, в детстве и юности переживших войну, от них самих. Автор идеи и режиссёр Александра Костюлина, режиссёры - Игорь Коняев и Анастасия Трубчевская, ведущий - актер тетра и кино Кирилл Зайцев. Все работали бесплатно, за идею. Несколько дней съёмки велись и в селе Воскресенское Мелеузовского района. Приятно отметить, что съёмочная группа пригласила к участию в работе над фильмом и мелеузовского кинолюбителя Кирилла Трушина, экс-руководителя народной киностудии «Зёрнышко».

В залах Воскресенской картинной галереи экспонируются работы, подаренные художниками-воскресенцами. Память о талантливых детях, эвакуированных в годы войны на мелеузовскую землю, жива. Дружба мелеузовцев с художниками-воскресенцами продолжается и хочется надеяться, что фильм «Познавая цвет войны» будет продемонстрирован на киноэкранах нашей республики.

В. Иванов
Дети села Воскресенское,
1942 г.

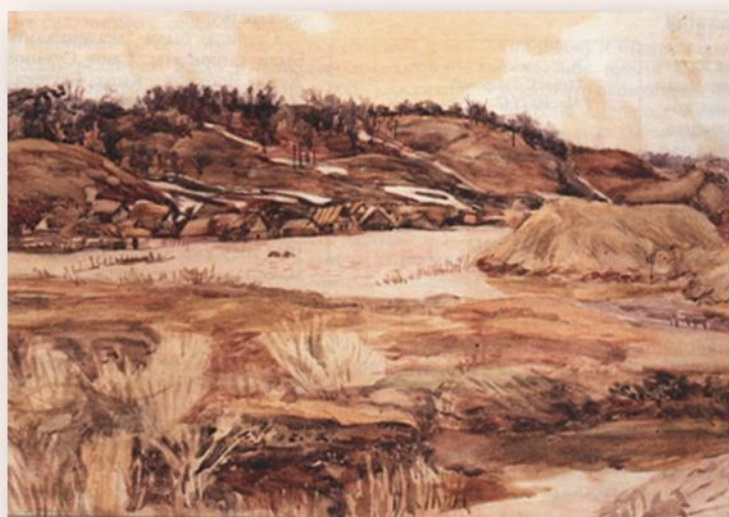
Библиография:

1. Симанчук, И. С. У тех Синих Венцов / И. С. Симанчук. – Москва : Московский рабочий, 1982. – 237 с. – Текст : непосредственный.
2. Владимир Калабухов о Воскресенской картинной галерее: видеоинтервью / режиссёт М. Трушин. – (12 мин 35 сек): цв. зв. - Загл. с титул. экрана - Видеоинтервью опубликовано. - 10 марта 2020 г. – Мелеуз : АМІТ studio, 2020. - URL : https://vk.com/club191625397?z=video-67402742_456239152%2Fe9a73e1f571d6516ba%2Fpl_wall_-191625397. - Изображение (движущееся ; двухмерное) : видео (дата обращения: 11.12.2020).

3. Меньшиков, В. Два года у Синих Венцов. / В. Меньшиков. – Текст : электронный // Русский мир. г. – 2011. – №5. – С. 54-59. – URL : <https://rusmir.media/search?query=%D0%B2%D0%BE%D1%81%D0%BA%D1%80%D0%B5%D1%81%D0%B5%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%20%D0%B3%D0%B0%D0%BB%D0%B5%D1%80%D0%B5%D1%8F> (дата обращения: 11. 12. 2020).
4. Власова Клара Филипповна – заслуженный художник Дагестана, старейший московский художник: видеоинтервью / автор Подшивалов А. - Проект «ТВ Художник». – (1 ч 35 мин): цв. зв. - Загл. с титул. экрана. - Видеоинтервью опубликовано. - 14 марта 2012 г. - URL : <https://www.youtube.com/watch?v=tq9nINKGI3Q>. - Изображение (движущееся ; двухмерное) : видео (дата обращения: 11. 12. 2020).
5. Познавая цвет войны: документальный фильм / режиссёр и сценарист И. Чёрный; композитор И. Блинков; киностудия «ZAITSEV STUDIO». – Москва, 2020. – (1 ч 00 мин) : цв. зв. — Загл. с титул. экрана. — Фильм вышел на экраны в 2020 г. — URL : https://vk.com/video-192958858_456239031. - Изображение (движущееся ; двухмерное) : видео (дата обращения: 11.12.2020).
6. Кобозев, Р. В дни войны / Р. Кобозев. – Текст : непосредственный // Юный художник. – 1989. - № 9. – С. 8-11.
7. Баранова, Е. «Далёкое и всегда близкое сердцу село...». – Текст : непосредственный // Путь Октября. – 2019. – 10 декабря. – С. 5.

В. Стожаров
Пейзаж с коровой, 1942 г.

И. Годин
Село Воскресенское, 1942 г.

В. Пурыгин
Зимний этюд, 1942 г.

К. Карамян
Дружеский шарж
на директора школы
Н. А. Карренберга,
1942 г.

Дети Испании на башкирской земле

(об испанском детском доме в Мелеузе)

Не стыдясь ни счастья, ни печали,
не скрывая радости своей —
так детей испанских мы встречали,
неродных, обиженных детей.

Вот они — смуглы, разноголосы,
на иной рожденные земле,
черноглазы и черноволосы,—
точно ласточки на корабле...

О. Бергольц

В 1936 году в Испании началась Гражданская война, которая сразу приобрела ожесточённый характер. Республика Испания стала первой схваткой с фашизмом в Европе. Количество жертв, среди которых было и мирное население, исчислялось десятками тысяч.

Именно Гражданская война в стране 1936-1939 гг. стала причиной эвакуации детей из Испании, где к власти рвалась военная диктатура. Но только ли дети из рабочих семей северных провинций Испании, отрезанных от Республики в результате быстрого наступления франкистов, оказались во Франции, Бельгии, Великобритании, Швейцарии, Мексике, Дании и в Советском Союзе? Думается, что нет.

На основании научных работ кандидата исторических наук Сергея Борисовича Брилёва, работающего с рассекреченными только в этом, 2020 году, документами Службы внешней разведки, Алексей Олегович Иванов, научный сотрудник Башкирского государственного педагогического университета, выдвигает свою концепцию этой истории:

«Испанцы, сочувствующие СССР и поддерживающие его политику, установили связь с Коминтерном (Президиум Исполнительного Комитета которого и его учреждения с октября 1941 по май 1943 года находились в г. Уфе) и, чтобы выжить и бороться за свои интересы, попали в структуру спецслужб СССР (внешняя разведка). После обучения их направляли для выполнения различных заданий в тыл Рейха, где они действовали под различными псевдонимами и именами. Чтобы обезопасить их семьи и детей, последних распределяли по детдомам СССР.

Кто бы когда догадался в Европе, что детей отправили, в частности, в какую-то Башкирию и, в том числе, в посёлок, название которого без труда не произнести иностранцу. Здесь всё встаёт на свои места. Конечно, в детдомах среди детей из семей испанских коммунистов были и дети испанских разведчиков-нелегалов, обучение которых проходило в период войны в спецшколах Коминтерна в г. Уфе и в селе Кушнареново Башкирской АССР. При этом сами дети о своих родителях могли ничего не знать.

Отсутствие информации в архивах Республики Башкортостан, исходя из этого, тоже полностью объяснимо – работа спецслужб. Были краткие, скупые отчёты о работе испанских детдомов, некоторые из которых можно найти в Государственном архиве РФ. Такое время было и ситуация».

В период Великой Отечественной войны с оккупированных фашистами территорий Советского Союза в тыл были эвакуированы детские дома, интернаты, спецшколы и другие детские учреждения. Среди них – детские дома с детьми из Испании.

Согласно Постановлению № 395 СНК Башкирской АССР от 10 августа 1942 года в Башкирию прибыло 4 испанских детдома:

г. Бирск – детдом №2;

с. Языково Благоварского района – детдом №3;

р. п. Мелеуз – детдом №4;

д. Андреево Илишевского района – детдом № 12 (в сентябре 1942 года переведён в с. Сафарово Чишминского района: Постановление №443 СНК БАССР от 04.09.1942 г.)

Приведу интересный факт: сотрудники ГТРК «Башкортостан» нашли бывшую воспитанницу мелеузовского испанского детдома, ныне проживающую в Аргентине. Она сообщила, что подлинное имя у неё – Тринидат, но в Советский Союз родители её отправили под именем Инес Перез Рамос.

Из переписки генерального секретаря ЦК Компартии Испании Хосе Диаса с военным отделом Башкирского обкома ВКП(б) выясняем, что на территории нашей республики испанскими коммунистами, находящимся летом 1942 года в Башкирии, комплектовалась 5-я инженерная бригада специального назначения. Исследователь, активист поискового движения России, депутат Госдумы, Ильдар Бикбаев, которому и попала в руки эта переписка, пришёл к выводу, что испанцы учились в кушнаренковской разведшколе.

Таким образом, можно предположить, что в детских домах с испанскими ребятами, эвакуированными в Башкирию в 1942 году, были не только дети испанских коммунистов – противников режима Франко, но и дети испанских разведчиков-нелегалов, представителей Коминтерна, проходивших обучение в Коминтерновских спецшколах в г. Уфе и в селе Кушнаренково. В последствие они через Великобританию перебрасывались в страны, оккупированные немецкими захватчиками. Судьбы их трагичны.

Есть вероятность, что дети выпускников спецшкол Коминтерна были и среди воспитанников детдома, эвакуированного в рабочий посёлок Мелеуз из г. Харькова с контингентом 108 мальчиков и девочек школьного возраста и 3 испанских педагога-воспитателя. Всего 111 человек. Примером может быть изменение имени испанской девочки Инес Перез Рамос.

В Мелеузе в испанском детдоме работали и 4 местных педагога, несколько человек обслуживающего персонала.

Жаркий августовский полдень. По пыльным пустырям мальчишки гоняют самодельный тряпичный мяч, редкий прохожий или конная подвода спешат по делам...

И вдруг, по посёлку пронёсся слух, что приехали испанские дети. Быстро собралась толпа любопытных и желающих помочь. Испанские дети жались к своим воспитателям,

смотрели настороженно, с испугом. Детдомовцы постарше помогали взрослым разгружать вещи, успокаивали младших. Впервые мелеузовцы услышали испанскую речь.

Но местная детвора быстро нашла общий язык с испанцами – совместные уличные игры, нехитрые забавы. Испанские дети быстро осваивали русский язык и учили мелеузовских мальчишек и девчонок считалкам, стишкам, потешкам, привезённым из Испании. Эти немудреные прибаутки на испанском до сих пор помнят местные старожилы, в военные годы дружившие с детьми из испанского детдома. Старожилы Хусаинова (Рахматуллина) Дина Мухамадеевна, Гришина (Шиблева) Мария Ивановна и сегодня помнят испанскую считалочку, под которую они с испанцами прыгали на скакалках перед началом уроков:

Алькоче ри то ре
Кондтате ли со ре
Кисико не ор ле
Монта ре кочен ре
Анонре да Мария
Киси кила трастена
Уно, дос, трес, кветро, синко...

Перевода, конечно, не знали. Просто повторяли за испанцами и запомнили. Наверное, и испанские дети увезли из Мелеуза не только память о добром к ним отношении, но и русские игры, стихи, русскую речь.

Сначала детей разместили в двухэтажном деревянном доме на перекрёстке улиц им. Ю. Гагарина и им. К. Маркса. Это здание и сегодня выделяется среди соседних построек добротностью, высокими окнами, спецификой сруба, старым слуховым окном на крыше. После войны второй этаж по каким-то причинам убрали. На 1-ом этаже была кухня и столовая, на 2-ом – спальные комнаты. Здесь дети жили непродолжительное время, но успели подружиться с соседской детворой.

По воспоминаниям старожилы этих улиц Гришиной (Шиблевой) Марии Ивановны и Верёвкиной (Гафиатуллиной) Минсары Набиуллиной, испанские дети даже внешне различались с нашей немудрёной одежкой – запомнились их коротенькие юбочки и красные пилотки с кисточками.

Семья Шиблевых жила через несколько домов от испанцев. Сердобольное материнское сердце Анастасии Михайловны щемило при виде сирот, и она просила младшую дочь Машу отнести детдомовским ребятам нехитрые сладости (пареные свёклу и морковь), лепёшки с лебедой, жмых от подсолнечника с соседней мельницы.

Совсем рядом с испанскими детьми жила и семья Гафиатуллиных. Отец – Набиулла, по инвалидности не попал на фронт, работал на мельнице. Понятно, что и своих детей не мог накормить досыта, но и сирот было жалко – сам вырос сиротой. И из этой семьи потихоньку подкармливались испанские дети. Наверняка, и другие соседи помогали детям из далёкой и незнакомой Испании. Испанские дети для мелеузовцев, как и для всей нашей страны, не были чужими. «Идёшь мимо испанского детдома, а дети, что помладше, стоят за реденьким забором, как воробышки, нахохлившись. Прохожие часто давали через забор кто хлеб, кто картошку...», - вспоминает М. И. Гришина.

Впоследствии, испанских детей разместили в одноэтажном деревянном помещении по ул. им. Ленина, где до этого находился Дом обороны (здание не сохранилось).

Обучались в начальной деревянной школе, располагавшейся рядом, а с 5-го класса в каменной школе №1 (ныне - здание Управления труда и соцзащиты).

Ребята 6-7 классов решением Наркомпроса перешли на обучение на русском языке для того, чтобы ускорить процесс социальной адаптации. Тем не менее, часть предметов по-прежнему проводилась на испанском. Чтобы дети не забыли родной язык, испанские воспитатели разговаривали с ними на испанском, пели испанские песни, учили стихи на своём языке.

Архивная справка: «Местные школы не были приспособлены к наплыву эвакуированных учащихся. Так, ребята детдома №4 (р. п. Мелеуз Башкирской АССР), во второй половине дня обучались в школе, которая обслуживала и детей поселка. В классах холодно, дети должны заниматься в одежде. Физкультурного зала нет. Физзарядка происходит в коридоре. Ситуация усугублялась тем, что необходимые учебники на

испанском языке, выпущенные в 1938-39 гг., во время войны не переиздавались, кроме того, многие книги погибли и были утеряны во время трудной и опасной дороги в глубокий тыл. Плачевный результат не заставил себя ждать. Руководство детдома №4 сообщало о полном отсутствии книг по некоторым предметам».

В эвакуации многие детские дома с детьми из Испании впервые столкнулись с нехваткой кадров. В первую очередь не хватало испанских педагогов и воспитателей. Их места постепенно занимали русские учителя.

Архивная справка: «В отчете детского дома №4 за 1942-1944 гг. сообщается, что в школе с испанскими детьми работает 7 учителей, из них 3 испанских товарища».

Самый молодой русский педагог у испанских детей - Нина Васильевна Макарушкина (в замужестве Алаторцева). Работая в испанском детском доме, она

подружилась с воспитателем - испанкой Ремедес. Эта дружба продолжалась и после отъезда из Мелеуза испанского детского дома. Интересно отметить, что все испанские воспитатели и дети обращались ко всем: «Товарищ...».

Работники детдома из местного населения, часто брали испанских детей к себе домой, угощали незамысловатыми дарами огорода, хлебом и щами из русской печи. Девочкам помогали починить одежду, смастерить простые обновки, ребятам поменьше - стирали и штопали. Младшие дети были общительнее, разговорчивее. Старшие - серьезные, молчаливые. Но все они были добрыми, благодарными ребятами.

В свободное от учёбы время старшеклассники работали на заводе сухого молока, на автотранспортном предприятии №2, на лесозаводе, в колхозах.

**Н. В. Макарушкина
с воспитателем испанского
детдома Ремедес, 1942 г.**

Имелся у детдома свой огород в районе нынешнего сахарного завода. Для собственных нужд сами ремонтировали одежду, заготавливали дрова.

Архивная справка: «Руководство детдома №4 сообщает, что уже в сентябре 1942 года испанские дети с воспитателями заготовили 290 кубометров дров».

Детские дома с испанскими детьми, вынужденные срочно эвакуироваться в крайней спешке, оказались безо всяких теплых вещей.

Архивная справка: «Так как целенаправленных поставок в годы войны не было, администрации испанских детских домов приходилось выкручиваться собственными силами. По отчётам, девушками из швейной мастерской детдома №4 было отремонтировано и реставрировано – 1430 шт. разной одежды, начиная от маек и кончая зимним пальто и 680 пар чулок».

Несмотря на все невзгоды, испанцы часто пели задорные песни на испанском, любили подвижные игры. У них была хорошая концертная бригада, которая выступала по праздникам на сцене кинотеатра им. Н. Крупской. Многие старожилы города помнят эти концерты. Испанские ребята не только пели песни, танцевали, но и ставили любительские спектакли. Хусаинова Дина Мухамадеевна помнит, как испанцы на русском языке с акцентом ставили спектакль «Коварство и любовь» по Ф. Шиллеру. И ещё запомнился один казус: девочка-испанка на сцене исполняла песню «В лесу прифронтовом» и на первом же куплете голос сорвался, не вытянув ноту. У певицы в глазах уже стояли слёзы, но зал не роптал, ждал повторной попытки. Но тут на сцену выбежал старший брат артистки и увёл сестру со сцены. Надо отметить, что испанские дети любили русские песни и часто пели их не только со сцены, но и в повседневной жизни. Специфический акцент этих детей не смущал ни их, ни русских ровесников. Дружили, вместе играли, учились, работали.

В 1945 году, по окончании учебы, испанский детский дом перевели в Московскую область в село Болшево. Но здесь остались ребята, окончившие школу и устроившиеся работать на предприятия Мелеуза, в колхозы. Впоследствии они обзавелись семьями, кто-то уехал в Испанию, кто-то за пределы Башкирии. Есть вероятность, что испанские корни остались в Мелеузском районе. Сегодня следы испанских детей, живших в годы войны в Мелеузе, казалось, были потеряны.

Но, благодаря поискам сотрудников телепередачи «Вести Башкортостана» ГТРК «Башкортостан», канала «Россия», откликнулась из Аргентины Инес Перез Рамос, которую родители отправили в Советский Союз под именем Тринидат. Она прислала фото испанских детей, которые были в Мелеузе. Первый снимок датируется 1943 годом.

На нём в верхнем ряду, самая высокая девочка – Кармен Бас Рамос. Её опознала дочь, тоже Кармен. Рядом с директором детдома Полиной Захаровной (фамилия неизвестна), в центре снимка, прибывшая с детьми из г. Харькова, испанская воспитательница Ремедиос Ковиелья Креспо, которую узнала её дочь Луиса Альварес. Кроме Ремедиос, в Мелеуз с детдомом приехала ещё одна воспитательница-испанка – Хуана Пласуэло с тремя своими детьми – двумя девочками и мальчиком Немесио Посуэло, 1940 года рождения. Он в 1960-х гг. стал известным футболистом клуба «Торпедо». Об этом сообщила его старшая сестра Лина, тоже бывшая в Мелеузе. Семья Посуэло жила отдельно, снимала комнатку в одном из ближайших к детдому домов.

А на втором снимке, в нижнем ряду, слева – Висенте Бас Рамос, опознанный его сыном Мигелем Фернандэс Бас. Кстати, Кармен Бас Рамос – тётя (сестра отца) Мигеля Бас - заместителя руководителя Объединённой редакции Иновещания и главы службы новостей на испанском языке агентства РИА Новости. Мигель и помог нам узнать этих детей на снимках. Отец Мигеля - Висенте Бас Рамос – закончив школу, поступил в Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана. А тётя Мигеля - Кармен Бас Рамос – окончила Московский государственный университет. Мама Мигеля тоже «испанский» ребёнок, но из другого детдома. В эвакуации она попала в немецкое Поволжье, во время Сталинградской битвы ушла из детдома работать в госпиталь, была няней, медсестрой. После войны закончила медицинский институт и стала педиатром. В начале 1960-х гг. родители Мигеля и его брат уехали на Кубу, мама работала в госпитале, а отец создавал основы профессионального технического образования. В Испанию они вернулись только в конце 1991 года. Отца Мигеля нет в живых, а мама проживает в Испании и на днях отметила своё 95 – летие.

Обнаружились скудные факты об учителе испанских детей Евгении Архиповне Пугачёвой. Хочется думать, что нам ещё предстоит знакомство с испанскими детьми из детдома, эвакуированного в годы войны в посёлок Мелеуз и их потомками.

А пока – несколько слов об Евгении Архиповне. Проводив мужа на фронт, приехала она из г. Уфы в посёлок Мелеуз в 1943 году, перед началом учебного года с тремя малолетними детьми. По пути добралась до г. Ишимбая, где голодала её мать с сестрой, пришедшие пешком с Мариуполя, оккупированного немцами. Так вместе, шесть человек и поселились в маленьком домике на берегу реки Мелеузки по ул. Воровского.

Евгения Архиповна, педагог, устроилась работать в «кичигинскую» начальную школу и подрабатывала преподаванием в чувашской школе. В начальной школе, в классе у молодого педагога были немало и испанских детей. Но ребята не различали друг друга по национальности, языку. Все вместе радовались, когда по праздникам любимый учитель раздавал самые вкусные кусочки белого (!) хлеба с яблочным повидлом.

Каждый учитель в «кичигинской» школе получал на класс по случаю празднования годовщины Великого Октября, Нового года, Дня Красной Армии и Первомая по 2 булки белого хлеба и две поллитровые железные банки с яблочным повидлом. В классах учителя мазали на хлеб повидло и, перед тем, как раздать детям, просили их хором громко скандировать: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!». Евгения Архиповна слушала детей и тихо плакала. В этом же классе учился и её сын Эдик.

А сами учителя спасались от мучительного чувства голода табаком. Во дворе школы всем коллективом сажали табак, потом его собирали, сушили, резали и делили между собой. Придёт учитель утром в школу, наверняка не позавтракав, и до конца двух смен, чтобы заглушить голод, жевали табак.

На огороде, что примыкал к Мелеузке, Евгения Архиповна сажала не только картофель, но и свёклу, арбузы, капусту. Капусту с арбузами на зиму солили. Да и ребятне вместо сладостей, которых и не знали, арбузы были в радость. А ещё Евгения Архиповна пекла пироги со свёклой. Надо было чем-то просто накормить детей, притупить голод и создать обманчивое чувство сытости.

По соседству с семьёй Пугачёвых жили супруги, чьей фамилии сегодня никто и не вспомнит, но факт, что люди были не простые – в памяти старожиллов остался. Это была

семья интеллигентов-ссыльнопоселенцев из Ленинграда. Супруг был профессором Ленинградского университета, а до Октябрьской революции он исполнял обязанности царского советника. Его супруга – бывшая фрейлина императрицы. Жили интеллигенты на грани голодной смерти, выживали. Евгения Архиповна, видя бедственное положение соседей, чисто по-человечески жалела их и ночью незаметно подкладывала им под окно пироги со свёклой. Но кто-то нечаянно или намеренно стал тому свидетелем и написал донос. Пришли к Пугачёвым представители местной исполнительной власти – милиция с претензиями: почему кормите врагов народа. После войны семья ленинградского профессора была сослана в Карелию.

А дочь Евгении Архиповны – Лариса, не любила эти пироги: всегда с одной и той же начинкой. И до конца жизни не могла есть свёклу – этот вкус напоминал ей жгучее чувство голода.

В июне 1944 года у Е. А. Пугачёвой родился сын Валерий. А уже через три месяца муж забирает семью из Мелеуза в Уфу, куда его перевели по военному ведомству. Но по прошествии многих лет, в конце 1970-х годов, Евгения Архиповна, смотря телепередачу, вдруг неожиданно заплакала: «Валера, - позвала она сына, - А ведь этот человек был моим учеником»... По телевидению интервью давал один из руководителей Испании.

Так неожиданно всплывают маленькие и большие факты страниц мелеузовской истории испанских детей. Надеемся, что когда-нибудь в Мелеузе встретятся если не сами воспитанники испанского детского дома, эвакуированного в Мелеуз, то их дети, внуки... Гостеприимная мелеузовская земля ждёт этой встречи.

Библиография:

1. Бас М. <miguelbas@hotmail.com>. (Отправлено 02.07.2020). Испанские дети : [Электронный документ]. (Получено 02.07.2020).
2. Бас М. <miguelbas@hotmail.com>. (Отправлено 18.10.2020). Мелеуз. Библиотека : [Электронный документ]. (Получено 18.10.2020).
3. Брилёв, С. Б. Англо-советская операция «Оранж» 1943 г.: испанский и башкирский след / С. Б. Брилёв. – Текст : непосредственный // Вестник Академии наук РБ. – 2019. – Т. 31. - №2. – С. 63-71.
4. Брилёв, С. Б. «Башкирский след» в совместных операциях советских и британских спецслужб в 1941-1942 гг. / С. Б. Брилёв. – Текст : непосредственный // Вестник Академии наук РБ. – 2019. – Т. 30. - № 1. – С. 37-44.
5. Выдрина, Н. Р. Испанские «дети войны» : из истории испанского детского дома в городе Бирске / Н. Р. Выдрина. – Текст : непосредственный // «...И помнит мир спасённый: система образования, как залог победы советского народа в Великой Отечественной войне» : сборник научных работ Международной научно-практической конференции, посвящённой 75-летию Победы. – Уфа, 2020. – С. 151-154.
6. ГАРФ. Ф. А307. Оп.1. Д.221. Л.2об
7. ГАРФ. Ф. А307. Оп.1. Д.221. Л.5.
8. ГАРФ. Ф. А307. Оп.1. Д.221. Л.5 об.
9. ГАРФ. Ф. А307. Оп.1. Д.221. Л.6.
10. ГАРФ. Ф. А307. Оп.1. Д.221. Л.8.
11. ГАРФ. Ф. А307. Оп.1. Д.223. Л.1.

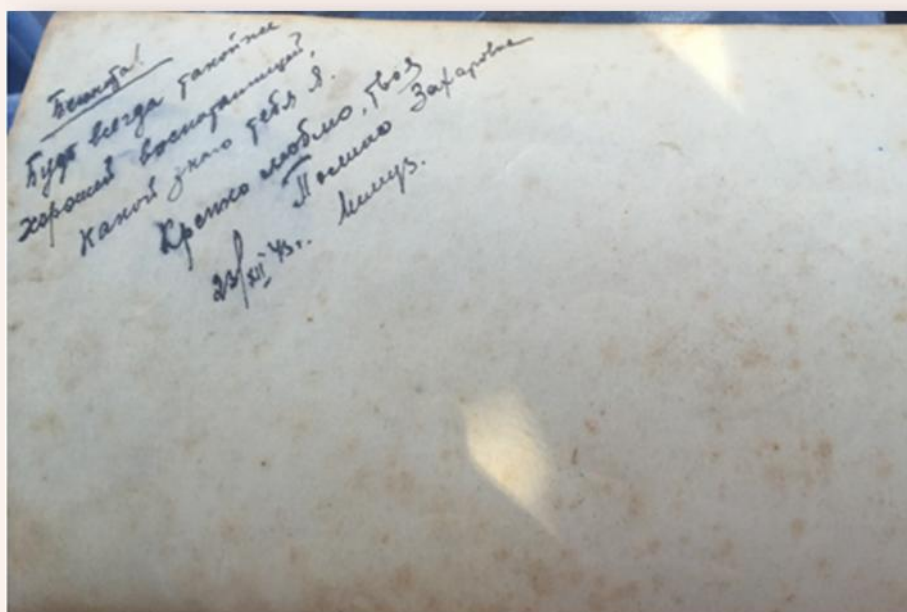
12. Гришина, М. Воспоминания / М. Гришина ; записала Т. Вережкина. – Мелеуз, 2015. – 5 с. - Текст : непосредственный.
13. Ким Эльвира. <elvira-kim@mail.ru>. (Отправлено 21.02.2020). Это девочка Тринидад: [Электронный документ]. (Получено 21.02.2020).
14. Постановление № 395 СНК Башкирской АССР о размещении эвакуированных испанских детских домов. – Текст : непосредственный // На братской земле Башкортостана : сборник документов и материалов. – Уфа, 2010 . – С. 103-104.
15. Савченкова, М. Е. Испанские дети в годы Великой Отечественной войны / М. Е. Савченкова. — Текст : непосредственный // Исторические исследования : материалы V Междунар. науч. конф. (г. Самара, март 2017 г.). — Самара : ООО АСГАРД, 2017. — С. 46-49.
16. Мелеуз в годы войны стал домом для испанских сирот . – Текст : непосредственный // Путь Октября. – 2016. – 6 января. – С. 3-4.
17. Пильнов, М. No Passaran! Враг не пройдёт / М. Пильнов. – Текст : непосредственный // Путь Октября. – 2000. – 27 января. – С. 3.
18. Пугачёв, В. Воспоминания / В. Пугачёв ; записала Т. Вережкина. – Мелеуз, 2020. – 6 с. - Текст : непосредственный.
19. Фернандес-Эрес, А. П. Испанские «дети войны» в 1941-1944 гг.: опыт эвакуации в глубокий тыл / А. П.Фернандес-Эрес. – Текст : непосредственный // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2014. - № 3. – 503-508.
20. Хусаинова, Д. Воспоминания / Д. М. Хусаинова ; записала Т. Вережкина. – Мелеуз, 2015. – 6 с. - Текст : непосредственный.
21. Шушпанов, А. «Башкирский след» Коминтерна / А. Шушпанов. – Текст : непосредственный // Аргументы и факты. – 2019. – № 9. – С.16.

Воспитанники испанского детдома, Мелеуз, 1943 г.

Воспитанники испанского детдома, Мелеуз 1943 г.

Подпись на фото с воспитанниками испанского детдома, Мелеуз 1943 г.

A bronze statue of a soldier in military uniform, carrying a young child on his back. The soldier is looking forward with a serious expression. The child is resting their head on the soldier's chest. The statue is set against a bright, glowing background. The entire image is framed by a thick, brown, torn-paper-like border.

*Солдат –
всегда
солдат*

«Как на войне солдатам снилось...»

(о Степане Михайловиче Кочеткове)

Солдатской службы срок окончился уже,
Но с плеч шинель я всё же не снимаю:
Стою среди хлебов на узенькой меже —
На верность полю присягаю!

И выцвела совсем пилотка у меня,
И гимнастёрка крепко просолилась.
Но вот они, хлеба янтарные, шумят,
Как на войне солдатам снилось!

С. Гребенников

Бескрайнее хлебное поле уходит вдаль, обширное и подвижное под волнами ветра, как безмерная водная гладь. Его янтарно-жёлтая масса упирается в синее жаркое небо — мирное, послевоенное. Тишина и покой.

А перед мысленным взором Степана Михайловича Кочеткова, ныне 24-летнего председателя колхоза «Парижская коммуна» в родной деревне Васильевка Мелеузовского района — взбесившиеся днепровские волны и обжигающий холодный ветер сентября 1943-го года. Переправа советских войск через реку Днепр, где он, младший сержант Кочетков, командир пулемётного расчёта, на берегу реки Припять — притока Днепра, отбивал атаку за атакой.

Мысленно вернувшись в тот бой, Степан Михайлович, лейтенант запаса, в жаркий июльский полдень сжался от пробирающего насквозь холода, воспоминания хлестали ледяным шквалом пулемётного огня. Степан сжал пальцы, привычно обхватившие воображаемую рукоятку и спусковой крючок станкового пулемёта, припав к горячему пулемётному корпусу, почувствовал сталь орудия как часть своего тела. Страшные воспоминания не отпускали солдата. Ночью во сне, днём — как наяву всё видел и переживал заново.

Степан Кочетков призвался на фронт в марте 1942 года, а с июля уже участвовал в боевых действиях. Часто, в недолгие минуты отдыха и затишья между боями, ему вспоминались родные поля, хлебные просторы, спелые колоски, которые под ветром, ударяясь друг о друга, мелодично шумят... Во сне солдату снились пашни, покосы, ощущения колосьев пшеницы на ладони... Это спасало от безмерной жестокости войны.

**Степан Михайлович
Кочетков**

А теперь, когда закончились бои и можно мирно пахать и сеять хлеб, радоваться урожаю, почему-то всё чаще и чаще память возвращается к страшным будням войны.

Тот бой... «До начала Курской битвы мой расчёт занимал позицию у деревни Ольхватки. Здесь и воевал в дни грозного сражения. Битва известная. Ещё тогда она прогремела на весь мир. Были тут «тигры» и «фердинанды», и атака за атакой. И огонь артиллерии, что оглохнуть можно, а уж выжить, казалось, вовсе нельзя. А вот и выжили, и все атаки отбивали, и ни «тигры», ни «фердинанды», никакой убийственный огонь гитлеровцам не помогли.

После Курской битвы немцы покатались к Днепру. Преследование отступающего противника – это стремительное движение, ожесточённые скоротечные бои. Сбив заслоны врага, наши части вновь и вновь преследовали отступающих гитлеровцев.

Боям уже несть числа. Мой пулемёт не успевал остыть, как снова оказывался в бою. И так – день за днём.

В бою у деревни Парищево немцы особенно ожесточились и пошли в контратаку. Сначала восемь танков. За ними – «фердинанды» и пехота.

**С. М. Кочетков (с гармонью)
1940 г.**

В гитлеровской цепи было человек двести. А наших героев – горстка. Наш расчёт выдвинулся далеко вперёд. Позиция – что надо: обзор на любую дистанцию, целиться ничто не мешает. Есть запасные позиции для манёвра.

С танками врага схватились наши артиллеристы – это их дело. Нам осталась пехота. Человек сто двадцать уложил пулемёт, атака захлебнулась.

И сколько потом немцы ни пытались сбить мой расчёт, пробиться за танками – всё безуспешно. Артиллеристы расправились с танками, я – с пехотой. Даже серьёзное моё ранение не заставило покинуть поле боя. Огонь моего пулемёта не стихал до полного отражения атак врага.

В бою на реке Припять (*Черниговско-Припятская операция – одно из сражений битвы за Днепр – авт.*) наш расчёт уничтожил ещё до семидесяти гитлеровцев. Подавил три огненные точки.

Умелый огонь сыграл здесь решающую роль. Точный, убийственно-меткий огонь расчёта помог сбить противника с переправы и отбросить его на правый берег реки, что дало возможность полку отразить контратаку крупных сил врага», - так вспоминал бои за Днепр ветеран Великой Отечественной войны. Эти воспоминания вошли во многие официальные издания.

Но были моменты, о которых солдат вспоминал нехотя и редко, только в кругу родных и друзей: в бою за Припять он был не только тяжело ранен, но и контужен.

И когда бой уже был окончен, Степан продолжал стрельбу, пока не закончились патроны.

А руки всё равно продолжали крепко держать рукоятку и давить спусковой крючок. Он просто не слышал прекращения огня, команд, наступившей тишины. В результате контузии командир пулемётного расчёта оглох и не мог говорить. К тому же, он пережил нервный стресс, после которого не мог разжать пальцы, впившиеся в пулемёт. Мышцы на руках оцепенели. Ни он сам, ни бойцы его пулемётного расчёта долго не могли расцепить его пальцы.

Младшего сержанта сразу отправили в санчасть, а потом в госпиталь, где он ещё долго приходил в себя: ничего не слышал и не мог говорить. Лечился долго. Именно здесь, в госпитальной палате, ему и ещё нескольким участникам битвы за Днепр, 18 ноября 1943 года были вручены награды. Степан Михайлович не слышал ни слов Указа Президиума Верховного Совета СССР «О присвоении звания Героя Советского Союза генералам, офицерскому и рядовому составу Красной Армии», подписанного 10 октября 1943 года, ни поздравлений. Понял только суть, когда к гимнастёрке, наспех надетой на больничную пижаму, прикалывали Звезду Героя. Текст Указа гласил: «За успешное форсирование реки Днепр севернее Киева, прочное закрепление плацдарма на западном берегу реки Днепр и проявленные при этом отвагу и героизм, присвоить звание Героя Советского Союза с вручением Ордена Ленина и медали «Золотая Звезда»... В списке награждённых, под пунктом №79, шла запись: «Гвардии младшему сержанту КОЧЕТКОВУ Степану Михайловичу». Вот так наш земляк получил высокое звание Героя.

А весть о присвоении высоко звания уроженцу мелеузовской земли быстро долетела до родного села. Мать Степана – Фёкла Тимофеевна, узнала одна из последних. Неожиданно к ферме, где она руководила женской бригадой, подкатил председательский тарантас. Срочно надо было ехать в посёлок Мелеуз для участия в торжествах. Сопровождающая – директор школы Мария Старицына. Возглавила делегацию председатель сельского совета Прасковья Переверзева. В Мелеузе мать героя встречали с почестями не только представители официальной власти, но и пионеры, комсомольцы.

После лечения Степан получил отпуск по ранению. Приехал в родную Васильевку. В 20 лет он был серьёзно болен и признан негодным к службе в действующей армии. Но в кармане гимнастёрки лежал приказ о поступлении младшего сержанта Кочеткова С. М. в Могилёвское пехотное училище, пророча ему преподавательскую деятельность в военном учебном заведении.

В углу избы, на видном месте стояла его гармонь, на которой научил его играть отец. Но не поднялась рука у Степана взять инструмент, пробежать по двухрядке... Да и

С. М. Кочетков, 1944 г.

душа не пела. До войны он был видным гармонистом, играл в клубе на всех торжествах, на свадьбах, проводах и встречах.

Ни одна клубная вечеринка для молодёжи не обходилась без его весёлой гармонии. А когда клуб закрывался, все шли на «берег». Так и говорили: «Пошли на берег». Это значило, что молодёжное гулянье продолжается на берегу реки Белой, но не где-нибудь вдоль деревни, а именно на всем знакомом пятачке, где река плескалась у крутого обрыва.

Степан знал много хороших мирных довоенных песен, но сейчас, когда тело и душа болели, играть не мог. Младший брат Пётр хотел было порадовать Степана, легко перекинул ремень гармони через плечо, тряхнул головой, и... Но вдруг большая крестьянская ладонь старшего брата легла сверху на меха. Этот молчаливый жест сказал обо всём. Музыка в доме Кочетковых в эти дни не было.

В 1944 году, будучи курсантом Могилёвского пехотного училища, Степан опять приезжает в родное село, и не один... Познакомил родных со своей невестой Лизой. В будущем Елизавета Харитоновна станет супругой Степана Михайловича и пройдёт с ним всю жизнь. В 1946 году по окончании учёбы С. М. Кочеткову было присвоено звание младшего лейтенанта, затем лейтенанта. Он был командиром взвода. Но в 1947 году по болезни был вынужден демобилизоваться и вернуться на родину.

Выросший в крестьянской семье и окончив начальную школу в родной Васильевке, Степан рано познал нелёгкий труд хлебороба. До призыва в ряды Красной армии окончил курсы трактористов и работал в полях на тракторе. Технику Степан любил и уважал. Мог починить любой механизм. Налаживал грабли и лопаты, сеялки, и веялки... А после войны - и часы, сепараторы, всю сельскохозяйственную технику, когда появился в селе личный автотранспорт – и велосипеды, мотоциклы, автомобили. Кроме того, от отца хорошо знал плотницкое и столярное дело, умел и черенок к топору соорудить, и сруб для дома. Не мудрено, что односельчане шли к Степану не только за действенной помощью, но и за советом, подсказкой. Демобилизовавшись, долго не брал в руки гармони, душа не пела, тяжесть войны не отпускала. Но постепенно жизнь налаживалась, подрастали младшие братья Александр и Николай, женился брат Пётр. Как не сыграть на свадьбе брата?

Иначе сложилась военная биография отца Степана – Михаила Ивановича Кочеткова. Он воевал на фронтах Первой мировой войны, на стороне красных прошёл Гражданскую войну и в первый год Великой Отечественной войны был призван на фронт.

**Степан Кочетков с невестой
Елизаветой, 1944 г.**

Воевал он в армии генерала Власова. После того, как А. Власов оказался в немецком плену, рядовой Кочетков попал в лагерь для власовцев под Ленинградом.

Военнопленным запрещалось выходить и контактировать с посторонними за пределами лагеря, в том числе и вести переписку. Кормили скудно, медицинской помощи практически не было, многие раненые умирали. Совершенно случайно Михаил Иванович познакомился там с земляком – мелеузовцем Александром Поляковым. Был ли Поляков тоже военнопленным или служил в охране лагеря, теперь никто и не скажет. Но только имел он право выходить по служебным надобностям из лагеря. Через него-то и передал коротенькое письмецо семье в с. Васильевку Михаил. Александр, пронося эту бумагу через охрану лагеря, рисковал не только жизнью Михаила, но и своей. Но всё же это письмо родственники Михаила Ивановича получили. После нескольких лет безывестности этот клочок, оторванный от страницы то ли книги, то ли листовки, принёс в дом Кочетковых радостную весть: Михаил жив и здоров. Думаю, следует привести несколько строк из того письма:

«Добрый день, многоуважаемая семья. Шлю я вам свой горячий привет... Вы, наверное, меня ждёте домой, но нас пока не пускают, оставляют здесь работать, насколько – неизвестно. Мне тоже хочется с вами увидеться, но не знаю, когда, дорогие мои...»

Этот дорогой для Кочетковых клочок бумаги, написанный неровным, торопящимся почерком химическим карандашом (...), бережно хранится в семейном архиве. Обратный адрес: г. Ленинград, 35, 288 ОРб Литер. б. По почтовому штемпелю выявляем дату: 29 сентября 1945 года. От более позднего письма сохранился только конверт с датой 8 декабря 1945 года. А вернулся Михаил Иванович в родное село только осенью 1946 года.

Вернулся в Мелеуз и Александр Поляков. Уже в мирные послевоенные годы они до конца жизни дружили, бывали друг у друга в гостях. Часто через Николая – сына Михаила, передавал «почтение дяде Мише». «Дяде Мише» – потому, что дядя Миша был на много лет старше его.

После войны семья Кочетковых в с. Васильевка справила новоселье – построили и переехали в новый просторный дом. Этот дом не сохранился. Но сохранился другой, который Степан Михайлович построил сам напротив родительского и где они с Елизаветой Харитоновной прожили счастливые годы. Детей у них не было, но всегда гостили племянники.

Степан Михайлович в 24 года стал председателем родного колхоза «Парижская коммуна». А когда при укрупнении колхозов он слился с колхозом «Прибельский», так же стало называться и общее хозяйство, где С. М. Кочетков работал на разных руководящих постах.

И как бы он ни уставал, закончив рабочий день, всегда ходил на свидание к полям. К полям, где колосились хлеба, родные, залегшие в душу ещё с малолетства. Их запах, шум, бескрайнее пространство, колышущееся от ветра и спокойное в безветрие, но всегда живое. И кто знает, зачем плакал тогда бывший солдат – от боли или от радости...

«В кирзовых сапогах я по полю шагал,
Солдатским маршем мерил свою долю.
Я каждый колосок на ощупь узнавал
И засыпал, уставший, в поле...»

Эту песню любил Степан Михайлович.

Свою любовь к Родине, к родной земле он передавал детям. С. М. Кочетков часто встречался с учащимися школ как в родном селе, так и в г. Мелеузе, рассказывал молодёжи о военных буднях, подвигах советских солдат. Степана Михайловича Кочеткова не стало в 1984 году.

И сегодня на его доме мемориальная доска извещает, что здесь жил Герой Советского Союза Степан Михайлович Кочетков. Кстати, дом стоит на улице им. С. Кочеткова. В селе Васильевка установлен и бюст С. М. Кочеткова. Именем Героя названа и одна из улиц и в городе Мелеузе.

На малой родине Героя, на благодатной мелеузовской земле, сегодня, как и много лет, колосятся безбрежные хлебные нивы, которые снились Степану Михайловичу и нашим бойцам в окопах и землянках на той далёкой страшной войне.

И наши дети пусть всегда видят только мирное небо над хлебными полями и никогда не узнают войны.

Библиография:

1. Веревкина, Т. Что на войне солдатам снилось... / Т. Веревкина. – Текст : непосредственный // Путь Октября. – 2020. – 6 октября. – С. 5.
2. Живёт село у Белой реки /по материалам исследовательской работы Н. Скорняковой ; подготовлено к печати А. Александровым. – Текст : непосредственный // Путь Октября. – 2007. – 4 августа. – С. 3.
3. Кочетков, Н. С. Мой брат : воспоминания / Н. С. Кочетков. – Мелеуз, 2020. – 1 с. – Текст : непосредственный.
4. Кочетков Степан Михайлович. – Текст : непосредственный // Путь Октября. – 1995. – 31 января. – С. 3.
5. Михляева, Л. На родине Героя, в Васильевке / Л. Михляева. – Текст : непосредственный // Путь Октября. – 2000. – 11 мая. – С. 4.
6. Михляева, Л. Улице – имя земляка - Героя / Л. Михляева. – Текст : непосредственный // Путь Октября. – 1990. – 31 июля. – С. 4.
7. Семейный архив Кочеткова Н. М.
8. Чуриков, И. Судьба героя, опалённая войной / И. Чуриков. – Текст : непосредственный // Истоки. – 2003. - № 38. – С. 6.

С. М. Кочетков (справа) с отцом

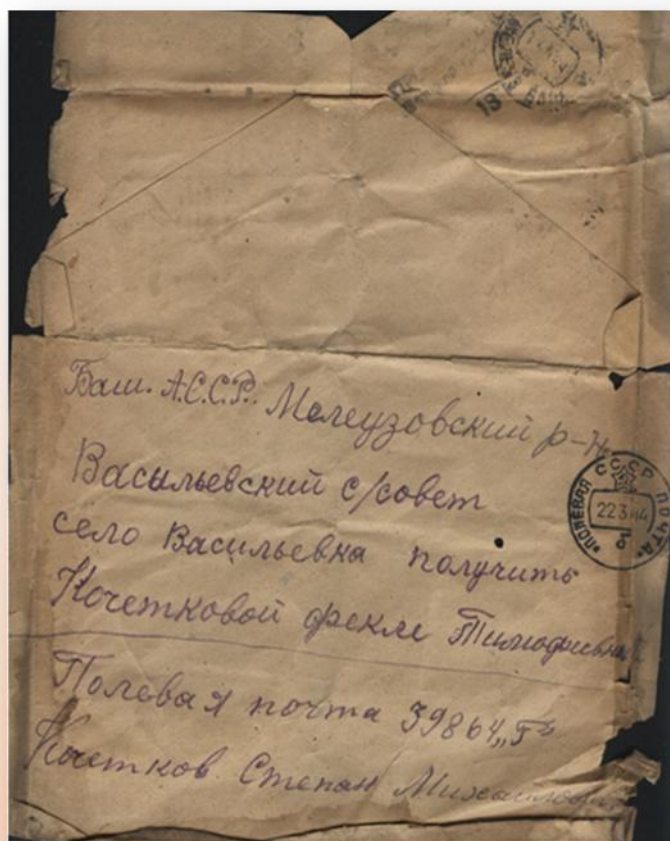

Братья Кочетковы, 1959 г.

добрый день много уважаю
моя семья много в ваши свои
грозный привет всем законно
и пожелано вам хорошие
успехов в жизни вашей
вы наверно много знаете
дождя как наша республика
оставляют здесь работами
какая-то неизвестно мне
тоже охота своим увидеть
такая неизвестно когда
дорожка свои в посылках
вам думаю один пакет
в эти письма еще посылка
вперед чтобы пакета посылка
вы или нет Ама посылка
посылка

**Письмо Михаила Ивановича Кочеткова
из фильтрационного лагеря домой, 1945 г.**

Письмо С. М. Кочеткова домой, 1944 г.

Степан Михайлович Кочетков (справа), 1943 г.

**С. М. Кочетков (слева) - курсант Могилёвского
пехотного училища, г. Вольск, 1945 г.**

С. М. Кочетков на встрече с учащимися школ г. Мелеуза

**С. М. Кочетков с учащимися Васильевской
сельской школы, 1983 г.**

**Односельчане - ветераны войны
С. М. Кочетков и В. С. Танатаров**

Семья Кочетковых

Родительский дом С. М. Кочеткова, 1959 г.

Семья Кочетковых, 1985 г.

Солдат - всегда солдат

(о Гайнулле Ахметшариповиче Саиткулове)

Пуškai ты нынче не в строю,
Но под одеждой штатскою
Всегда и всюду узнаю
Я выправку солдатскую.

Пуškai не носишь ты теперь
Армейский свой наряд.
Но люди всё же говорят:
"Солдат - всегда солдат".

М. Матусовский

В тот, 1987 год, когда я познакомилась с Гайнуллой Ахметшариповичем Саиткуловым, в библиотеке, где только что начинала работать, создавался клуб боевой и трудовой славы. И одним из членов совета клуба стал человек, прошедший Великую Отечественную войну с первого её дня до последнего. Мало того, в ряды Красной Армии он был призван в 1940 году рядовым, а демобилизовался в 1960 году гвардии полковником.

**Гайнулла Ахметшарипович
Саиткулов**

Впоследствии не один раз встречалась с ветераном не только на мероприятиях, где он рассказывал о своей военной биографии, но и в жизни, бывала у него дома. Знакома с его супругой Кларой Гизитдиновной. Она до сих пор, и после смерти мужа, бережно хранит все его документы, фотографии, награды... Есть в семейном архиве и воспоминания Гайнуллы Ахметшариповича, написанные его рукой, чем особо ценны. Именно по этим документам и рассказам самого фронтовика, членов его семьи, я попыталась рассказать о Гайнулле Ахметшариповиче. Поэтому много и часто цитирую его воспоминания. Ведь кто, кроме самих участников войны, может правдивее и

откровеннее рассказать о тех страшных годах?

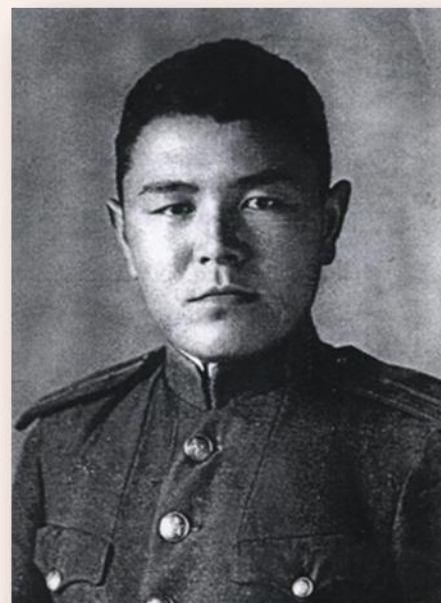
Родился Гайнулла Ахметшарипович в деревне Ургин Зианчуринского района в 1920 году, в крестьянской семье. В 1936 году он успешно заканчивает семь классов школы в своей деревне. На руках у юноши аттестат об основном среднем образовании.

В то непростое время, когда безграмотность ещё носила массовый характер, свидетельство об окончании школы было важным документом. Надо отметить, что аттестат получали не все ученики, закончившие семь классов, а только те, кто успешно сдавал выпускные экзамены. На экзаменационных испытаниях присутствовали и представители местной власти. В тот год в выпускном классе деревенской школы было десять учеников. Но только семь из них получили аттестаты о семилетнем образовании. В их числе и Гайнулла. Обо всём этом фронтовик говорит со светлой грустью, мысленно возвращаясь в прошлое. «Как радостно я бежал домой, спеша обрадовать родителей, родственников, друзей! А в голове: «Я выдержал экзамены!», - вспоминал Гайнулла Ахметшарипович. Учителя советовали мальчику продолжить обучение, и уже в 1939 году Гайнулла заканчивает Темясовское педагогическое училище. Тогда он и не помышлял о том, что большая часть его жизни будет отдана не педагогике, а военной службе.

Молодой учитель преподавал в родной Ургинской школе. Учителей не хватало, некоторые предметы вели вчерашние выпускники семилетней школы. А в марте 1940 года Гайнуллу назначили заведующим начальной школой в ближайшей деревне Валиши. «Хотя деревня была небольшая, где-то дворов 15-20, а детей, обучающихся в начальной школе, было около 30. Мне одному приходилось работать в две смены: до обеда обучал 1-й и 3-й, а после обеда 2-й и 4-й классы», - делится воспоминаниями Гайнулла Ахметшарипович о тех трудных, но счастливых днях.

Но недолго пришлось ему учительствовать. В октябре 1940 года Гайнуллу Ахметшариповича призвали в ряды РККА. Так началась солдатская биография Гайнуллы Саиткулова. «Провожали нас всем селом, - говорит ветеран, - Мы, двенадцать парней из нашей деревни, после торжественного митинга около сельского Совета, на двух бричках с красными флагами прибыли в районный центр Исянгулово. Потом поехали до станции Саракташ, где и сели на поезд. Место прибытия – г. Благовещенск Амурской области, тогда Хабаровский край.

Мечта многих юношей моего поколения – стать лётчиком, танкистом или кавалеристом. Однако мы попали в стрелковую часть. Получили шинель, будёновку, ботинки с обмотками. Немало было в полку новобранцев из Средней Азии, которые не умели говорить по-русски. Я стал комсоргом взвода, потом роты. Через некоторое время меня перевели в роту станковых пулемётчиков. Стал старательно осваивать новое оружие.

**Г. А. Саиткулов - выпускник
военно-политического училища,
1944 г.**

Меня как отличника боевой подготовки назначили командиром пулемётного расчёта. Затем – помощником политрука роты.

В это время наш полк находился в летних лагерях в 40 километрах от Благовещенска, на реке Зея. Никогда не забудется 22 июня 1941 года. Был выходной день. На улице тепло, ясная погода. Мы с земляками собрались вместе, отдыхаем. Мечтаем о скорейшем возвращении в родные края. Вдруг сигнал боевой тревоги.

Перед строем командир полка объявил, что гитлеровская Германия вероломно напала на нашу страну, немецкие самолёты бомбят наши города и сёла на западных границах СССР. Получили приказ занять позиции на реке Амур в шести километрах от

Благовещенска, в трёх километрах от границы. Нас срочно перебросили в укреплённый район. На границе мы заняли готовые доты, сделанные из бетона.

Устроились в палатках, а к зиме построили землянки. Жили в постоянной тревоге: вот-вот начнут наступление японцы. Меня назначили комсоргом батальона, потом – полка.

После получения известия о смерти старшего брата Ишмухамета под Москвой в 1942 году, я стал настойчиво просить о направлении меня на фронт. Хотел отомстить за смерть любимого брата», - как бы думая вслух, возвращается ветеран к тем далёким событиям.

Наконец командование удовлетворило многочисленные рапорты Саиткулова. В 1943 году его направили в военно-политическое училище, которое

находилось в посёлке Карповск Горьковской области. После окончания училища младший лейтенант Саиткулов был направлен в 321-й стрелковый полк 65-й армии 2-го Белорусского фронта.

«Мне особенно запомнились боевые действия на подступах к городам Данциг и Гдыня на территории Польши, - вспоминая свою военную биографию, говорит Гайнулла Ахметшарипович. – Наши войска уже освободили от фашистов оккупированные советские земли и гнали их по Европе к Берлину.

В своих мемуарах командующий 2-м Белорусским фронтом К. Рокоссовский писал, что Данциг оказался крепостью экстра-класса, Мощные, хорошо замаскированные форты держали под обстрелом всю местность в радиусе 15 километров от города. Крепостной вал, оставшийся от прежних времён, опоясывал город, а перед ним вырос внешний пояс современных оборонительных сооружений. На всех без исключения командных высотах – железобетонные и каменно-бетонные доты. До двух десятков фашистских дивизий защищали эту цитадель.

**Г. А. Саиткулов
Германия, 1955 г.**

Гитлеровцы были уверены в неприступности этого города-крепости и поэтому отвергли предложение советского командования капитулировать. Перед предстоящим боем в ротках, батальонах вели большую разъяснительную работу с личным составом. Проводились партийные собрания. Особая ответственность возлагалась на коммунистов и комсомольцев. Создавались штурмовые группы.

Я, будучи политруком роты, так же возглавлял одну из таких групп, - рассказывает Гайнулла Ахметшарипович. – В их состав входили автоматчики, бронебойщики, сапёры. Нас поддерживали танки и артиллерия. И начался штурм! Сражение шло днём и ночью. В воздухе не смолкал гул моторов – удары самолётов дополнялись залпами орудий и миномётов, треском пулемётов и автоматов. В городе шла борьба за каждый дом, а в домах – за каждый этаж. Особую сложность представляло выбивание фаустпатронщиков, угрожающих нашим танкам. Прогрызая одну позицию врага за другой, медленно шли мы к намеченной цели. Бои носили столь упорный характер, что продвижение наших войск временами исчислялось только сотнями метров. Отдельные крупные опорные пункты врага приходилось атаковать по несколько суток. Накануне мы заготовили красные флажки, их устанавливали на окнах домов, что означало – дом полностью освобождён. Эти флажки были как бы предвестниками того главного Красного знамени, что позже было водружено над логовом фашистов – Рейхстагом.

30 марта 1945 года город был полностью освобождён. В бою меня ранило в ногу, но я оставался в строю. В этот же день командующий войсками 65-й армии генерал П. Батов вручил мне Орден Красной Звезды.

А через две недели после штурма Данцига наш 321-й стрелковый полк в составе 65-й армии участвовал в Берлинской операции. Скрытно мы были передислоцированы в район реки Одер. В месте форсирования река разделяется на два рукава – Ост-Одер и Вест-Одер, каждый шириной от 100 до 250 метров. Между рукавами раскинулась огромная, трёх-четырёх километровая пойма, вся испещрённая протоками, затопленная водой. Таким образом, перед нами лежала четырёх-пяткилометровая водная преграда. На сколоченных наспех плотках из сырых досок мы стали переправляться. Одно русло прошли удачно, а на пойме были обнаружены. Начался сильный обстрел. Но, не обращая внимания на взрывы вокруг нас, по пояс в ледяной воде тащили за собой плоты по затопленному участку. Справа и слева падали убитые бойцы. Я тогда молил Бога только об одном: если убьют, то лишь бы не здесь, где сгинешь бесследно в воде, а на суше, когда переправимся.

Всё же вырвались на берег. Здорово помогала нам артиллерия. Овладели первыми траншеями противника и, выполняя боевую задачу, в течение двух суток удерживали этот плацдарм. В живых от батальона осталось не более 50 бойцов. Убило командира и политрука батальона. За это время сапёры навели понтонные мосты, началась переправа танков, орудий, миномётов.

Началось мощное наступление на Берлин. Здесь уже ничего не могло сдержать порывы наших войск. Между тем сопротивление немцев не ослабевало. В бой противник бросал не только пехотные и танковые соединения, но и наспех созданные части моряков, фольксштурма. Во время одного из боёв меня, контуженного и засыпанного землёй от разорвавшейся бомбы, с трудом отыскали и вытащили санитары.

Наш полк в составе 2-го Белорусского фронта шёл с боями севернее Берлина, участвовал в освобождении Штеттина – и 3 мая 1945 года вышел на побережье Балтийского моря в районе города Росток. Здесь 8 мая мы узнали о долгожданной Победе. Никакими словами не передать наши чувства: в них были и горечь потерь, и радость, и гордость за нашу Победу.

Там и завершились боевые действия. За участие в операции по форсированию Одера я был награждён вторым Орденом Красной Звезды».

Так закончилась война для лейтенанта Гайнуллы Саиткулова.

В декабре 1945 года их дивизию вывели в СССР, на Кавказ. Хотя и был приказ о демобилизации учителей, его, как окончившего военно-политическое училище оставили служить. И в 1946 году его направляют в высшую офицерскую школу лекторов-пропагандистов с двухгодичным обучением. После её окончания - Туркестан, потом служба в ГДР в составе советских войск. В 1960 году после очередного сокращения вооружённых сил, затеянного Н. С. Хрущёвым, он демобилизовался в родной Башкортостан. Гайнулла Ахметшарипович прослужил в рядах Вооружённых сил СССР двадцать лет, прошёл путь от рядового до полковника. Кроме указанных орденов награждён Орденом Отечественной войны II степени, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией», Благодарственными письмами от Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина.

Г. А. Саиткулов (справа)

Решил обосноваться в Октябрьске. Опытного армейского политработника приняли в аппарат горкома партии. Впоследствии избрали секретарём исполкома Октябрьского горсовета. Новая должность требовала знаний законов и законодательных актов. Гайнулла Ахметшарипович оканчивает Свердловский заочный юридический институт. Проработал в данной должности до 1975 года. Потом судьба перебросила фронтовика на Север, где десять лет он работал в системе нефтяной и газовой промышленности. Был активным лектором общества «Знание». Его труд был отмечен медалью «За трудовое отличие».

С 1987 года ветеран проживает в городе Мелеузе и с первых дней уходит в общественную работу: секретарь парторганизации треста домоуправления, член парткомиссии ГК КПСС, зампреда совета ветеранов города. А с 1998 по 2002 год являлся председателем совета ветеранов. Создал подростковый клуб «Бригантина», где вёл военно-патриотическую работу с молодёжью.

С супругой Klarой Гизитдиновной в любви и согласии прожили всю жизнь. Хочется отметить один эпизод из семейной истории Саиткуловых.

После демобилизации Гайнулла Ахметшарипович работал в г. Октябрьском в горкоме КПСС, затем секретарём исполкома Октябрьского горсовета. Рядом с ним работала и Клара Гизитдиновна.

Получилось так, что когда Гайнулла Ахметшарипович был на сессии в Свердловске, Клара уволилась и уехала на Дальний Восток к родственникам. Когда он вернулся и узнал новость, сразу же поехал к любимой. И если до этого скрывал свои чувства, то теперь, чуть её не потеряв и найдя, сразу делает Кларе предложение, которое и было благосклонно принято. Так и началась их счастливая семейная жизнь на долгие годы. На двоих они воспитали четверых сыновей. У них восемь внуков и одиннадцать правнуков. Все дети получили образование и стали хорошими людьми.

Гайнулла Ахметшариповича не стало в 2014 году. Но в доме Сaitкуловых постоянно собирается большая и дружная семья, за столом часто звучат и военные песни «В землянке», «Журавли», «День Победы», которые любил ветеран.

Светлая память Гайнулле Ахметшариповичу – солдату Второй мировой.

Г. А. Сaitкулов

Библиография:

1. Никифоров, Д. 100-летие фронтовика, гвардии полковника Г. А. Сaitкулова / Д. Никифоров. – Текст : электронный // Путь Октября. – 2020. – 12 марта. – URL: <https://putokt.rbsmi.ru/pobeda/materials/news/100-letie-frontovika-gvardii-polkovnika-G-A-Saitkulova-157650/> (дата обращения: 07.10.2020).
2. Никифоров, Д. Патриот своего Отечества / Д. Никифоров. – Текст : непосредственный // Путь Октября. – 2020. – 17 марта. – С. 5.
3. Сaitкулов, Г. А. Автобиография : рукопись / Г. А. Сaitкулов. – Мелеуз, 1998. – 10 с. – Текст : непосредственный.
4. Сaitкулов, Г. А. Автобиография : воспоминания / Г. А. Сaitкулов. – Мелеуз, 2002. – 3 с. - Текст : непосредственный.
5. Сaitкулов, А. Солдат второй мировой / Г. А. Сaitкулов. - Текст : непосредственный // Истоки. – 2009. - № 3. – С. 14.

Г. А. Саикулов (слева), 1940 г.

Г. А. Саикулов (в центре)

Г. А. Саиткулов с пионерами города Мелеуз

Г. А. Саиткулов (в центре) с семьёй, 2014 г.

Г. А. Саиткулов (второй слева) с ветеранами - мелеузовцами

**Г. А. Саиткулов (в центре)
с членами ВООВ "Боевое братство", 2010 г.**